

БОРИС БОЖНЕВ СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ II

борис божнев



собрание стихотворений II

**MODERN RUSSIAN LITERATURE AND CULTURE**

**STUDIES AND TEXTS**

*volume 24*

**БОРИС БОЖНЕВ**

**СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ**

**ТОМ II**

Berkeley, 1989

**MODERN RUSSIAN LITERATURE AND CULTURE**

***STUDIES AND TEXTS***

*volume 24*

**edited by**

Lazar Fleishman *Stanford*  
Joan Delaney Grossman *Berkeley*  
Robert P. Hughes *Berkeley*  
Simon Karlinsky *Berkeley*  
John E. Malmstad *Harvard*  
Olga Raevsky-Hughes *Berkeley*

**БОРИС БОЖНЕВ**

**СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ**

**В ДВУХ ТОМАХ**

**ТОМ ВТОРОЙ**

**ПОД РЕДАКЦИЕЙ**

**ЛАЗАРЯ ФЛЕЙШМАНА**

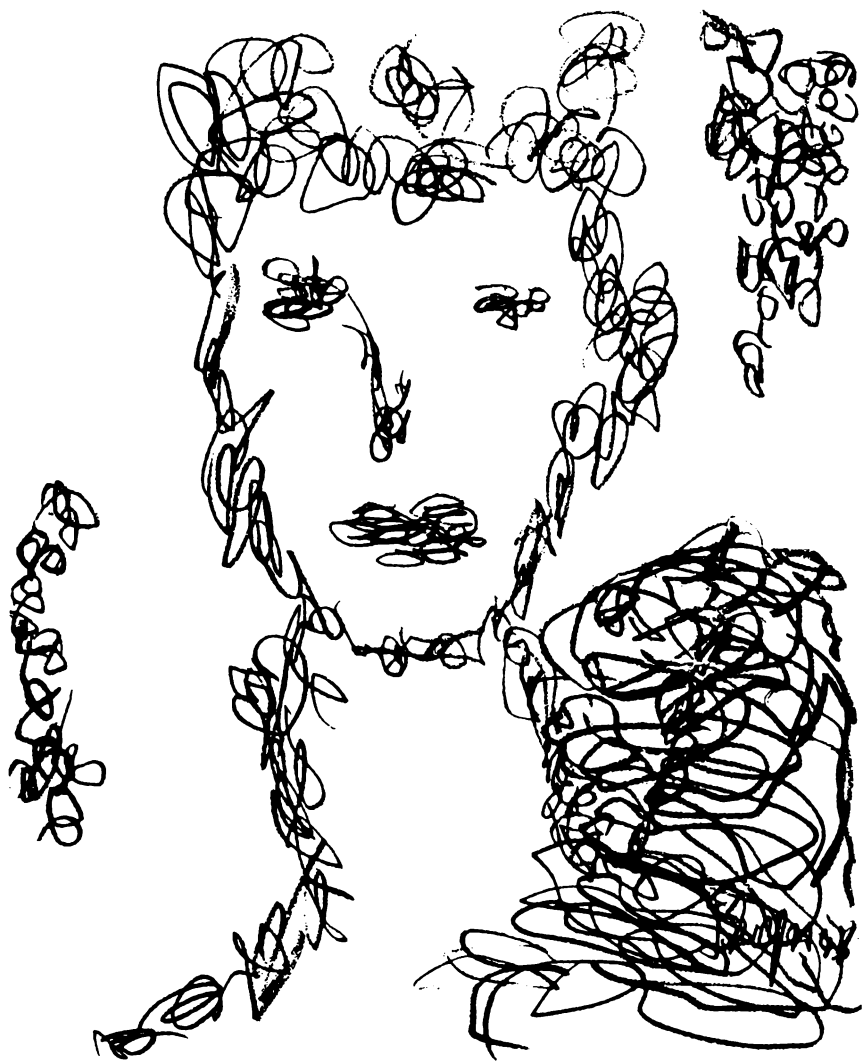
**BERKELEY SLAVIC SPECIALTIES**

**Berkeley, 1989**

**Annotations © 1989 Lazar Fleishman**

**PRINTED IN U.S.A.**

**ISBN 0-933884-67-2**



Из «Cinq Dessins» Б. Божнева.



**БОРИС БОЖНЕВ**

**САННОДЕРЖАВНЕ**

**Четверостишия о Снеге**

**Париж  
МСМХХХІХ**





\*

\*

Страна незнающая снега —  
Нехристианская страна.  
Сияющей суровой неги  
Не все достойны племена.

\*

\*

Стихающий злобно сменяет того, что неистов—  
Так правит династия вселеденящих Ветров...  
Но нет ей ни грома, душе моей бедной, ни свиста—  
Ей слышится эхо замерзшее пламенных слов...

\*

\*

\*

\*

Оглядываемся назад...  
Зачем, зачем мы поглядели...  
Двойной и гармоничный гад  
Иль ангельские параллели...

\*

\*

Как дико, страшно... Вновь по первопутку  
Такому... Что за древность он отверз...  
Как ежели б... Отрепьев... в стыдь... малюткой...  
Под звездами... во пеленах... замерз...

\*

\*

\*

\*

Червь солнечный подтачивает лед, —  
Есть подземелья червь, есть—поднебесья, —  
И в диком холоде созревший плод  
Гниет под пение — Христос Воскресе...

\*

Что снежных тел, легчайших тел есть мера—  
Сад занесенный, крыша иль сугроб?...  
Не ведаю... В ком не угасла вера  
Тот Воскресеньем измеряет гроб...

\*

\*

\*

\*

В снегу стоит повозка золотая...  
О, почему она в снегу стоит, —  
Таинственно и сладостно блистая, —  
О, почему в снегу она блестит...

\*

\*

Сперва — пейзаж... Затем в твоих руках  
Он превратился в снежную фигуру...  
Потом ее ты обращаешь в прах...  
И вновь — пейзаж... И вновь творишь Лауру...

\*

\*



\*

\*

Лететь стрелой мимо Иглы —  
Души смертельная веселость...  
С грядущим через холод мглы  
Уже делить медвежью полость...

\*

\*

На бедный полутемный петербургский двор  
Нисходит медленно блистательный Снег I...  
Вершина власти не вершина гордых гор,  
А нищета, а эта банка от консервов...

\*

\*

\* \*  
О, анданте  
Белых нот  
Музыканту  
На елот...

\* \*  
Идущий снег всегда восточней сердца...  
В нем ирен он как наземь упадет...  
Пред взором мысленным единовеца  
Сошествие ненарушимых нот...



\*

\*

Какой покой... Классическая нега...  
Сверкает эхо... Тишина  
Ничем ненарушаемого снега...  
И лира звуков лишена...

\*

\*

Гуляю... Двадцать градусов мороза...  
О, пламенность понять я не могу  
Шипов холодных ледящей розы...  
О нет, я понимаю, нет, я лгу...

\*

\*

\*

\*

Сложив в колчан Его скалы  
Тугозамерзшие болота,  
Зовет Диана в чаше мглы  
Собачий холод на охоту...

\*

\*

Здесь слышно— «в ухо дербалызни»,  
Там—мочится в сиянье шкет...  
О, скованной морозной жизни  
Свободный страшный этикет...

\*

\*

\* \*  
Вотще леонтьевский мороз,  
Что жандармерия нагрянет,—  
Свобода отморозить нос —  
Тереть — не может — снегом станет...

\* \*  
Смешалось все — и птица, и скотина.  
Вот с перьями павлиньими ямщик,  
Вот сани с шеей гордо — лебединой,  
Вот птица важная — злой временщик...

\* \*

\* \* \*

Из Санкт-трубы восходит Санкт-дымок,  
Санкт-голуби гуляют по Санкт крыше...  
Снег выпал, как молчанья эпилог,  
Но я уже пролог сверканья слышу...

Прибавился сияющий этажик  
На всех лачугах и на всех домах,  
А жизнь в них продолжается все та же:  
Светло в природе, но темно в умах...

\* \*  
Перебирая вожжи, словно струны,  
Чаруя лошадей,  
В волшебной тишине, в сиянии лунном  
Поет ящик — Орфей...

\* \*  
Ночь лунная... Я вышел на крыльцо..  
Мороз... Собачий лай, далекий, слабый...  
Волшебный час... О дивное лицо  
Сверкающей и юной снежной бабы...

\*

\*

Пустырь, сугробы... Дом... И снова пусто...  
С заборами проломов длинный ряд...  
Как выпренно, как дивно в захолустьи  
Миры красот божественных блестят !...

\*

\*

Двудымного лебеда порозовевшая Леда  
Свиваясь в лобзаниях стелится в полукольце...  
Светлеющим сердцем вникая в запрет Архимеда,  
Над снегом нетронутым варвар стоит на крыльце...

\*

\*

\* \*  
**Религиозная зима**  
В трех лошадях, как Бог—в трех лицах...  
Не дело нашего ума —  
Благовествуя, тройка мчится...

\* \*  
**Ничем незаметно оно, и птицы минуют напевом,  
Листву некрасивую осень с небрежностью золотит,  
Но грянет мороз—и, небес генеалогическим древом  
Величественно сверкая, оно горделиво стоит...**

\*

\*

... Уж вырублена прорубь для наяд...  
Чем больше лед, чем шире вырубаешь,  
Тем все мрачней леса вокруг стоят,  
Вокруг того, что к жизни призываешь...

\*

\*

Христос родился. Мы срубили маленькую елку.  
И сразу нужен стал — чтобы ее поставить — крест...  
Темно... В твоей руке — топор, в моей руке —  
двухстволка...  
Скорей, мой друг, скорей уйдем от этих страшных  
мест...

\*

\*



\* \*  
Кентавр в Россию забежал,  
Гонимый злобными богами,  
И разрыдался над снегами —  
Он путь на родину держал...

\* \*  
Сиянье звездное заносит млечностью...  
Все утолщается покров бесплотности...  
Суров брюхатости пейзаж отеческий,  
Растущий медленно из мимолетности...

\*

\*

« Христос Воскрес, Христое Воскрес », —  
В церквах народ поет...  
Все ожило — поля и лес,  
Но умирает лед...

\*

\*

Чудо — над моим стихотвореньем  
Три снежинки начали блеснуть...  
Не растают до конца творенья,  
К людям не успеют долететь...

\*

\*

\* \*  
Лоб Клеопатры был твоим бесчестьем,—  
Не Индия, где снег в цветах мечты, —  
А дивный лоб — мерцающая вместе  
Со смуглостью вся бледность красоты...

\* \*  
Снег шепчет— «нежность, нежность, нежность,  
нежность»...  
Но нежность шепчет— «снег, быть может, снег» ...  
Она похолодеет, неизбежно...  
А он увы дождется вешних нег...

\*

\*

Когда замерзнут клавиши твои,  
Наденет эхо теплые перчатки,  
И будет вновь его мизинец сладкий  
Нам повторять беспесенность любви...

\*

\*

Снежков златистых тайную прохладу  
До сердца охладевшего добрось —  
Друг в друга с чудною отрадой  
Бросаем листьев полумертвых горсть...

\*

\*

\*

\*

Был ручеек и грязен, и невзрачен,  
И неглубок, и узок, и речист,  
А стал непроницаемо — прозрачен,  
Зеркально — молчалив, хрустально — чист...

\*

\*

Ты, как Атлантида, провалишься ночью морозной  
В подснежную бездну над хаосом крепким корней,  
По пояс ушедший в Природу связующей розни  
Меж телом и духом, и царством бесплотных теней...

\*

\*

\*

\*

**« Смертию смерть поправ  
И сущим » ...  
Лед загремел, прервав  
Поющих...**

\*

\*

**В паденьи снега видит человек —  
Век XVIIIый пейзажа переходит  
В XVIIый, и далее идет в Природу —  
В XVIый глубокоснежный век...**

\*

\*

\* \*  
**Шапки горят, в снегу,  
И шубы...  
Ворами нареку  
Гекубы...**

\* \*  
**Уж мечут копыта последнюю дикую сдачу,  
Крошится и прахом взвивается страшный мелок...  
И синяя сетка становится сетью рыбачьей,  
На запад летит не летевший на запад восток...**

\*

\*

Зачарованье лунатичных троек  
У края ночи, лунности концов...  
Со звездами прощанье бубенцов...  
Небесного начало неземное...

\*

Когда бы океан сказал — «Христос»,  
То в тот же век он стал бы льдом и снегом...  
Но с пеною венериной хаос  
Молчит, увенчанный терновым брегком...

\*

\*



\*

\*

Среди моей коллекции полотен  
Ни на одном нет снега Твоего...  
А полотно само ! А дух из плоти !  
Основа белоснежная всего !...

\*

\*

Нет, – ветки нет первой, есть первая только игрушка –  
Ведь первая нитка не знает последней иглы,  
И целой не хватит ни черной, ни белой катушки,  
Чтоб ветку украсить последней игрушкой иглы...

\*

\*



\*

\*

Плечо всегда немного одиноко, —  
На нем лежит всегда незримый снег...  
Не оттого, что так оно высоко,  
А оттого, что низок человек...

\*

\*

России мертвенная бледность,  
Ея недышущая грудь...  
Впрягайся в сани, Всадник Медный...  
.....

\*

\*

**БОРИС БОЖНЕВ**

**УТЕШЕННОСТЬ РАЗРУШЕНИЯ**

**КНИГА СТИХОТВОРЕНИЙ**

**Париж  
МСМХХХІХ**



**LES ORAGES DE LA JEUNESSE SONT ENVIRNNÉS DE JOURS BRILLANTS.**

**V A U V E N A R G U E S**



Светающее пробужденье птиц...  
На неподвижной и незримой ветке —  
Порозовевшей раннее денниц —  
Дремотный щебет мелодично-редкий.

Клубится ночь глубокая вдали,  
Бледнеют звезды, восходя отвесно,  
Над предрассветным сумраком земли,  
Смешавшимся с туманностью небесной.

\*

... И на подушке нежная щека  
Еще лежит дремотно, неподвижно,  
Не ведая, что жизнь любви близка,  
Что жизнь любви любовью станет жизни...

Не ведая, что посветлела твердь  
И что еще светлее — изголовье...  
И явственная пред рассветом смерть  
Сокрылась перед вечною любовью...



Страницей недочитанной уснув,  
Ты встала рано — с зябкою росой,  
Коленями на утра блеск взглянув,  
И первый шаг был с пяткою босою...

Смеется с ясной свежестью вода  
Над верностью горбатого кувшина...  
Под водопадно — глиняной вершиной  
Твое лицо струится, как звезда...

\*

С прозрачным парусом прозрачный руль  
Сливаются и тихо веют в тюле...  
И якорь нежных стрел влачит июль —  
Все глубоко, бездонно все в июле...

Лазурная сияющая мель  
Мечтательно и медленно уносит  
И якорь стрел, и сладостную цель  
Под набеганье тюлевых полосок...

Букет цветов, стоящий на столе,  
Составленный из полевых наречий,  
Умолк в блестящем горле, в хрустале,  
И воду пьет благоуханье речи...

Окно гостинной голубая даль —  
Раскрытое — все шире — раскрывает,  
И стертая рояльная педаль  
Полдненное молчанье продлевает...

\*

Златого зеркала сребристый внук  
Светло уснул у полдня на коленях,  
И маятника безмятежный стук  
Вновь возвращает к невозвратной тени...

И столько раз свершается возврат  
К тому, что лишь однажды миновало,  
Что счастья настоящего квадрат  
Пройдет, и станет прошлого овалом...

Ничем непобедимая сирень  
Тебя еще недавно покоряла...  
И вот уж перековывает сень  
Меч лепестков на лепестков орало.

Но эта пораженья борозда  
Есть борозда победоносной грёзы.  
Теперь — без упоенья, без труда,  
Всесильные ты побеждаешь розы...

\*

В раскрытой пасти каменного льва  
Покрытый мхом тяжелый шар грохочет...  
...Не жизнь, а смерть слышна едва-едва...  
Но ничего он заглушить не хочет...

Лазурный, безмятежно— ясный день  
Наполнен тяжким неподвижным громом,  
И — львиную пересекая тень —  
Светло порхает бабочка пред домом...

Чтоб этот мир, чтоб эта тишина  
Достойны были будущего счастья,  
Чтоб жалость прошлому была верна —  
Тяжелый шар грохочет в львиной пасти...

Угрозы милость иль пощады гнев  
Звучит в клыках окаменевшей болью...  
...Рычащей лавой раздирает зев  
И попирает лапой своеволие...

\*

Белеющими перьями гусей  
Лазурь как бы написана с нажимом...  
Она местами — синевы темней —  
И углубленная — непостижимо ...

И, легкою преградой ресниц  
Раз' единив безоблачное слово,  
Бездонное сливаешь без границ  
Лазурное ея пространство сна.

Когда в тиши гармонии наук  
Звучит пчелы беспмятное слово,  
Раскрытый полдень падает из рук  
Разжавшихся мечтания земного.

Полуденного счастья бытие  
Лежит у ног, всегда у ног мечтанья...  
Жужжание безоблачней всего,  
Но ты, душа, безоблачней жужжанья...

\*

Далекий — на дворе открытый — крап  
Распахивает настеш дверь гостинной...  
И слуха зачарованный обман  
Заворожен миражем без пустыни...

Блестящая незримая струя  
Бьет о паркет -- но заливает плиты...  
И брызгами -- букеты острия  
Разметаны -- с глубоким зноом слиты...

В зеленый лед зеркал глядит жара,  
Свое пыланье видя темно-синим.  
Счастливый Рим уснувшего двора  
Спасают некричащие гусыни.

И так светло, что делается вдруг  
Чуть сумрачно от солнечного блеска...  
Все хаотично — трепетно вокруг —  
И веет гармонично занавеска...

\*

Лазурный день блаженно-неподвижен—  
Поля, леса — как неподвижны вы...  
Кармин ланит к ветвям настоль приближен,  
Что кажется оттенком синевы.

Но стоит лишь пунцовости заката  
Блеснуть в ветвях, как лес в лучах летит...  
Зато теперь в тенистости крылатой  
Кармин ланит стал зеленью ланит...

С прохладною смешавшись тишиной,  
Глубокий воздух комнаты нагретой  
Еще хранит великолепный зной,  
Весь день снявший за порогом этим,

Как огненный и чем-то грешный рай...  
И лоб горячий вытирали люди,  
Одежды приподнявши легкий край,  
Смирным детским жестом, полным чуда...

\*

С какою негой побеждает день  
Свой знойный, ослепительный свой хаос...  
Темнолиловую местами тень  
Земля полураскрыла — задыхаясь...

Все замерло, все дремлет — чуть дыша...  
Мир опустел... Могучие мгновенья  
Текут — и в грозном блеске, не спеша,  
Безлюдное свершается боренье...

Природы светло-голубая тень  
Чуть розовеет в зелени глубокой,  
И, с солнцем перемешанная, сень  
Мелькает набеганьями потока...

Божественного торса наготу  
Над бытием слегка приподнимая,  
Ланитою прижавшись к персту,  
Она молчит, и эхо ей внимает.

\*

Лиловые и синие цветы  
Покачиваются, благоухают,  
И в заговоре знойном красоты,  
Как полумаски, бабочки порхают.

Но ничего правдивей нет полей,  
Верней травы, ласкающей колени.  
Скорей туда — под сумрачность аллей,  
Под сумрачность блаженства и измены...



Лазурь полна волшебных чувств живых  
И воздух в неподвижном трепетаньи...  
Безоблачной средь капель дождевых  
Сияющее счастье мечтаний ...

Медлительная туча все растет ,  
И ясность неба тихо убывает,  
И тот лиловый сумрак настаёт,  
Что пред ливнем блестящим бывает...

\*

Вдали негромко начинается гром,  
Два рокота из трех перебирая.  
И, долго-долго медля на втором,  
Грохочет глухо у немого края...

И в рокот нарастающий листва  
Вступает, ставши в ветре мельче вдвое,  
Средь светлых капель, брызнувших едва,  
Сливаясь с ними в трио дождевое...

Стелилась темноглубая тень  
Неровно потемневшими полями,  
Перебирая, как слепец плетень,  
Простор земли с небесными краями.

И капли падать начали сильней,  
И с тенью их мельканье тасовалось,  
И вдруг тасуя все быстрее, быстрее,  
Их редкий сумрак в частый блеск  
смешало...

\*

...И свежесть потемневшую полей  
Ликующее солнце озарило,  
И вместе с солнцем, но еще светлей,  
Дождь хлынул с возрастающей силой...

И льется, ослепительно-сплошной,  
С подножием сверкающим паденья,  
И высится, как арфа, весь сквозной  
Сквозь плеск, журчащий с блеском  
усиления...

Сквозь ливня ослепительного строй  
Бежала обветшалая беседка  
И вдруг остановилась... В прутьях редких  
Струится звук, как в струнах, неземной...

С шуршаньем тайным пропускают плеск  
Местами обвалившиеся своды,  
И влажный обнажающийся блеск  
Прикрывшей эхо наготы Природы...

\*

Стоять и слушать с мокрой головой  
Торжественное трио дождевое...  
Сверкающий, прохладный и живой  
Его единый звук между листвою...

И мокрым быть от ног до головы,  
Когда единый звук журчит сильнее,  
И делается звуками листвы,  
И сладостно струится вместе с нею...

Неумолимый, нестерпимый блеск  
Не темной и не светлой летней тучи—  
Одним лучем она померкший лес  
Вдруг озаряет сладостно и жгуче.

Не все стволы в тот миг озарены,  
Но те, которых свет ея коснулся,  
Те видят, навсегда ослеплены,  
Что сумрак только к ним одним вернулся...

\*

Есть час, когда лишь прутья шалаша —  
Шурша— не пропускают воду,  
И, обнаженная, идет душа  
Под веткие укрыться своды...

И дождь умолк... Биенье двух сердец  
С шуршаньем трепетным звучало...  
И радуги божественный конец  
Сливается с любви началом...

Дождь перестал... И только по бокам  
Еще летят пленительные капли —  
Одна — другая -- здесь -- и там -- и там—  
И вот они исчезли, не иссякли ...

И вдруг с поголубевшей высоты,  
Блестя, летит еще одна куда-то...  
И —как дыханье— затаив цветы,  
Земля молчит в восторге аромата...

\*

Тяжелый гром дорожки укатал,  
Беседки разрушения поправил,  
Благоухающий цветов развал  
В огромной клумбы заключил овале...

С землю вместе всходит светлый пар,  
И вновь лазурна неба половина...  
Лишь каменный и громоносный шар  
Еще грохочет глухо в пасти львиной...

...Еще светло, но начало темнеть,  
И вечер близок— на закрытой двери  
Блестает ручки стершаяся медь  
Лучем прощальным, ярким до потери...

Но этот луч не может быть земным,  
Но эта дверь не может быть небесной...  
И взор по украшениям резным  
Скользит вне Времени Красы безвестной...

\*

Свершает спинка кресла свой закат,  
И ручки, округленностью бездонной  
Удерживая день, еще блестят  
Лучей златистых эхом позлащенным...

Торжественно и тихо день прошел  
И меркнет медленно паркет под воском—  
Распиленный на солнце пыльный ствол,  
Отбрасывая тень с оттенком лоска...

Уходит в землю глубоко скамья  
И в небо высоко встает урна.  
О, все нежнее камни бытия,  
Их тяжесть все воздушней, все лазурней...

Я чувствую средь мертвой тишины  
Утешенность земного разрушенья...  
И прошлого еще не сочтены  
Не только годы — краткие мгновенья...

\*

В пустынный парк через стены пролом.  
Вхожу... Как тихо... Листья осушают  
Давным-давно заглохший водоем...  
Есть разрушения, что утешают...

Безличный до паденья, до руин —  
В руинах каждый камень отличаешь...  
Среди других камней всегда один —  
Как ты — один грустит, как ты — дичает...

Смеркается...Темнеет — наугад —  
То здесь—мгновеньями, то там—местами.  
С дорожками то исчезает сад,  
То смутно возвращается кустами.

С решеткою туман все глубже слит  
И прутья то раздвинет, то сближает.  
И белой тенью статуя стоит  
И ничего уж не изображает.

\*

К глубокому столбу привязан пруд...  
Свисает цепь, своих длиннее звеньев...  
И две ступени черные ведут,  
Нет, лишь одна —в чистилище гниенья...

Неровные и низкие кусты  
Стоят вокруг—не образуя круга...  
...Об' ятия небесной пустоты  
В об' ятиях земли — забвенья друга...



О тяжести, о сладости обид  
Полусловами полустертых звуков...  
...И на тумане пьедестал стоит...  
Чуть слышен голос статуи безрукой...

... Я для тог безрук до пле  
Чтоб нежн и раящ длань  
Не прикаса боль ко мне нич...  
... О пьедестал стоящий на тумане...

\*

Пустынная в безмолвии луны...  
В голубоватом трепете аллея...  
Скамейки бесконечности длины...  
И статуя до черноты белеет ...

И чернота накладывает блик  
На тень, усиленную белизною ...  
И тусклый в слепоты орбитах лик  
Мерцает страшным, мертвым лунным зноем..

Смежает вечер синий абажур  
В большой букет исполненный покоя,  
И света замигавшего амур  
Грозит слегка коптящую стрелую...

День отошел торжественно-простой...  
Он был как все — велик, как все —  
ничтожен...  
И под его бессмертную чертой  
Нет ничего и быть уже не может...

\*

Из черноты подчеркнутых глубин  
Медлительно исходит блеск рояльный,  
И вновь кончается, совсем один,  
Сверканьем лакированным, печальным...

Глубин своих подчеркивая хлад,  
Широкий блеск, стремительно сужаясь,  
Уходит — бесконечно продолжаясь —  
Дорожкой черноблещущей в сад...

Ты голову откинула назад,  
Как бы ослепшая перед музыкой,  
И стала на мгновения безликой...  
И шесть свечей на бабочку летят

В полночной дымке сумрачных зеркал...  
И долго ты глядела в позабытость...  
И вдруг рояль, как тайна, нераскрытый  
Таинственно и тихо зазвучал...

\*

Шестью свечами сумрак упоен  
И жирандоли хрустали дробятся...  
И много раз твоей рукой продлен  
Аккорд, с которым сладостно сливаться...

Он будет полон нежности иной,  
Ты сколько бы его ни повторяла...  
И нотная калитка над роялем  
Раскрыта в сад безмолвный и ночной...

**БОРИС БОЖНЕВ**

**ЭЛЕГИЯ ЭЛИЧЕСКАЯ**

**Париж**

**МСМХХХХ**



Сон будничный, царящий над землей,  
Пленительное бодрствование наше...  
Мгновение сребристую стрелой  
Летит над упоительною чашей...

Мои уста истлеют без твоих,  
Вдали моих уста твои истлеют,  
И лишь в устах полураскрытый стих  
Лобзания любви запечатлеет...

О, раньше смерти поцелуй смежил,  
Смежил блаженством жизни наши очи,  
И мраком раньше смерти окружил,  
Но чудным мраком быстрой ночи ...

Истлеют без твоих мои уста,  
Уста твои вдали моих истлеют,  
И нашими лобзаниями мечта  
Себя баюкает, себя жалеет...

Волшебный бледно-синеватый свет  
Окно у ночи смутно отнимает,  
И еле расплывающийся след  
Все призрачной прозрачностью затемняет...

Но отнятого удержать не смог,  
И возвращает без конца до срока...  
И платья гармонический комок  
Лежит как бы на берегу потока...

Сон будничный, царящий над землей,  
Пленительное бодрствование наше...  
Мгновение серебристою стрелой  
Летит над упоительною чашей...

Не покидай устами поцелуй,  
Он к нам протягивает наши руки,  
И радугой сияет смертных струй —  
Твои уста нужны моей разлуке...

Чрез осень человеческих судеб  
Мы зрим незрячие уста богини...  
На мраморных устах закат ослеп...  
Незрячих уст улыбка не покинет...

Улыбка похладевшая до тла  
Мир озаряет искрою отбитой,  
И выпуклая глубина светла  
В ее сплошных белеющих орбитах...

И мы не покидаем поцелуй,  
И мы к нему протягиваем руки,  
И радугой сияем слёзных струй —  
Мои уста нужны твоей разлуке...

Сон будничный, царящий над землей,  
Пленительное бодрствование наше...  
Мгновение сребристой стрелой  
Летит над упоительною чашей...



Разверзлась бездна и раскрылась даль  
На узком месте тесного объятья,  
И наготы невинная вуаль  
Колелется дыханием проклятья,

И с головы сплетается до ног,  
С подножием сливая изголовье,  
Трепещущий бесформенный венок,  
И снова расплетается с любовью...

Но ты не бойся — таинство любви  
Любовного сильнее святотатства,  
И наготу сестрою назови,  
Дабы чужой души почуять братство...

Спадает с ложа смятое слегка,  
Чуть скомканное лунное сиянье...  
Его откинула твоя рука,  
Лежащая на нем, как изваянье...

Дрожащая лежит на пол-пути  
Неровная сияющая хмурость...  
Не смея к нам не прямо подойти,  
По сторонам любви стоят амурь...

Сон будничньй, царящий над землей,  
Плескательное бодрствованье наше...  
Мгновение сребристой стрелой  
Летит над упоительной чашей...

То тело нежное сожмет душа,  
Так крепко, что не чувствуешь объятья,  
И, глубоко вздыхая, не дыша,  
Грудь замирает сладостно до сжатья,

То душу тело нежное сожмет,  
С такой земной, с такой небесной силой...  
И кажется, что небо упадет,  
Но мы его все выше возносили...

Забуть, очнуться, снова позабуть,  
И вновь на миг очнуться в отраженьи,  
И только в этом отраженьи быть  
Беспмятством ее самозабвенья...

Цветам, плодам, всей пышности даров  
На что упасть из изобилья рога —  
Их расточит безумье наших снов...  
Они летят на звездную дорогу...

Но звездный путь неисчислимо пуст,  
И, несмотря на дивные усилья  
Вкушающих и упоенных уст, —  
Не высыпаться рогу изобилья...

Лицом к лицу встречает смертных страсть,  
Но вечная любовь встречает в профиль  
Полусклоненный... чтоб к нему припасть  
Не мог никто... чтоб только эти строфы...

И в мертвой, но воскресной тишине,  
Среди цветов повыцветших сплетений,  
В коленопреклоненной вышине  
Уже целуются и наши тени...

Сон будничный, царящий над землей,  
Пленительное засыпанье наше...  
Мгновение златистой стрелой  
Летит над розовеющей чашей...






БОРИС БОЖНЕВ

ОРАТОРИЯ

ДЛЯ

ДОЖДА, МУЖСКОГО ГОЛОСА

И ТУМАНА



*Dich tu' affratta il bel mo = mento*

МСМXXXVIII











ОЛЬГЕ ЕЛИСЕЕВНЕ ЧЕРНОВОЙ



*Laisse moi calmer mon ennui  
et du fond du néant où . . . . . résistes  
aujourd'hui ne trouble point l'horreur  
dont . . . . . est suivie . . .*

*Deux tyrans opposés . . . . .  
ont décidés . . . . . ton sort . . .*

*L'amour malgré . . . . .*

*H e n a u t*



Как Байрон дождь — плащи, плащи, плащи,  
И на плечах — величье блеска . . .  
В редющей толпе себя ищи —  
Нет никого на перекрестке .

И только лужи измеряют шаг ,  
И вдаль уходит одичало  
Арпеджией разорванной в мрак  
Огня дождливое начало .

От фонарей, незримых в двух шагах,  
Нисходят световые башни,  
И все еще не кончился впотьмах  
Сегодня утром день вчерашний .

Сырая мягкость в воздухе глухом,  
Шарфы стянувшая узлами,  
Сливается с растаявшим столбом  
И с зыбко-мягкими углами .

Штрихами мрака озаряет свет  
И сам как бы во тьме таятся,  
И всё, что есть и всё чего уж нет,  
В своем слиянии дwoятся . . .

Под шелком перепончатым спешит,  
Под'яв скелетик черноспицый,  
Проходя... и слабый мокрый щит  
В ее руке пред ней влачится.

И новомодный стал ее наряд  
Слегка нарядом допотопным,  
И юбкой темною туман под'ят  
Над каблучком ее трехстопным.

И скрылась, даже шага не пройдя.  
И снова лишь шаги мужские  
Не отстают в тумане от дождя—  
Не сердца женского стихии...

Не сердца женского—мужских усталых  
плеч...  
На них, на них величье блеска,  
Чтоб темными сурдинками возлечь  
На глохлый шум глухого плеска.

. . . . .

Из пустоты... густеющей... у ног...  
Исходит... зыблется... колеблет...  
И стелет... пеленающий... венок...  
Свои медлительные стебли...

Иссеро-призрачная... белизна...  
Колеблемое... удлиняет...  
И еле зыблемая... голизна...  
Те колебанья пеленает...

Как Байрон дождь — плащи, плащи, плащи,  
И в непомерном промежутке  
Меж небом и землей себя ищи,  
Чтоб не было тебе так жутко,

Чтобы ты мог, был в силах ты забыть  
Оттенки, отзвуки той встречи ...  
Беспмятным в тумане можно ль быть -  
В тумане вспоминают плечи...

Есть память плеч... И нужен ей туман ...  
Без плеч в тумане все забвенно...  
Чем сладостней, чем глубже был обман,  
Тем их восвышенной согбенность...



Туманностью.. колеблемая... твердь...  
Восходит... зримо... еле-еле...  
Сыреющая... пеленает... смерть...  
Пеленками... без колыбели...

. . . . .

Стремительной душе наперекор  
Идет медлительное тело...  
Как! ты еще бессмертна—до сих пор...  
А я уж умереть хотело...

И твердь... едва восходит... до колен...  
Баюкаемых еле еле...  
Окутываемых... в сокрытый тлен...  
Пеленками... без колыбели...

. . . . .

Большие люди мелкого дождя...  
Одни мечты, одни заглавья...  
И до конца ничто не доведя,  
Борта опущены к бесславию...

Дождливый час их научил иметь  
Души ужасные манеры...  
Сутулиться... Не сметь... И сметь.. И сметь...  
И быть классическим примером...

Всё дальше пред стаканом локти класть  
На одинокий столик липкий,  
Чтоб долго ошибавшаяся страсть  
Еще была подсказкой скрипке...

. . . . .

Из пустоты... густеющей... у ног...  
Исходит... зыблется... колеблет...  
И стелет... пеленающий венок...  
Свои медлительные стебли...

. . . . .

Лишь тот, кто чуждой улицей в туман  
Идет в блуждания ночные  
И руку зябко опустил в карман,  
Собирает жатвы дождевые...

Запечатленный, грязный, страшный знак  
Скользящею бесшумно шиной,  
И жатву чувств невозвратимых благ  
Среди асфальтовой вершины,

И все, что в парниках воды цветет,  
И чем туман благоухает,  
Все, все прожий зябко соберет,  
В карманы руки погружая...

. . . . .

Пустыми отраженьями стекла  
Туманность продает витрина,  
И половина черная светла,  
Чернеет света половина...

И чтобы плоскость ровно разделить  
На два сверкания глубоких,  
И темную раздвоенность продлить,  
Фонарь незримо светит сбоку...

Кто руку зябко опустил в карман...  
Витрина продает без меры  
Тяжелый зеленеющий туман  
И невесомый — дымно—серый ...

Темнеет вдоль, сверкает поперек...  
Сливающие тень с нажимом,  
На ней видны чередованья строк,  
Начертанных непостижимо...

Как белый след от черного мелка,  
Что белизной затмивши бледность,  
Исчезновеньем подчеркнул слегка  
Отчетливо свою бесследность...

И изнутри блестящая едва,  
Но ярко—тусклая снаружи,  
Витрины леденая синева  
Полна голубоватой стужи...

И если долго в синеву глядеть,  
В нее как в зеркало посмотрится,  
То можно на мгновенье похладеть,  
И никогда уж не согреться...

Как белый след от черного мелка,  
Что, белизной затмивши бледность,  
Исчезновеньем подчеркнул слегка  
Отчетливо свою бесследность...

. . . . .

Туманностью... колеблемая... твердь...  
Восходит... зыбко... еле-еле...  
Сыреющая... пеленает... смерть...  
Пеленками без колыбели...

. . . . .

И зыбкостью смягченные углы,  
Смягченные бесповоротно,  
Полны неровной и неравной мглы,  
И каменности бесплотной...

Одна стена выходит из другой,  
Как грудь выходит из дыханья  
Неуловимую полудугой,  
Колблемую колыханьем...

И, как дыханье, стены затаив,  
Туман все глубже ими дышит,  
И, приподняв слегка, и опустив,  
Он их медлительно колышет.

И окна, что мерцают поперек  
Среди бездонного строенья,  
Как несколько волшебного — тусклых строк,  
Как темное стихотворенье...

. . . . .

И тихо... твердь... восходит... до колен...  
Баюкаемых еле-еле..  
Окутываемых... во влажный тлен...  
Пеленками... без колыбели...

. . . . .

И фонари зачеркивают свет  
Косыми влажными штрихами.  
И кажется, что ничего уж нет.  
Что все наполнено мирами...

Что мир один из глубины блестит.  
За ним во мгле другой мерцает.  
И где-то лист гармонии гремит  
И яростно во тьме бряцает.

Его один еще свободный край  
Исполнен скованного гнева.  
И потрясенною душой внимай  
Его нещадному напеву...

То звук невятен, то невятно—чист.  
Порывы ветра, налетая,  
С Эоловою ржавчиною лист  
С неравной силою листают...

Он бьет в простор, простор на миг прерывает  
Глухо—дребезжащим молчаньем—  
И вдруг летит—стремительно—стремглаз  
Летит— с брэнчанием— в бряцанье...

Как будто сразу тысячи цепей,  
Но лишь одна из них грохочет,  
И сердце рвется из свободы к ней.  
И к ней прикованным быть хочет...

И вопля возрастающий порыв  
Всего сильнее среди пределов,  
Где силы беспредельной перерыв  
Уж воплем сделался всецелым...

И ржавчиной Эоловой бренчит,  
Бренчит дребезжащая брэнность...  
И в брэнности дребезжащей молчит  
Возвышенная обреченность...

И вопль не смог свой выдержать порыв  
И рухнул с силой возносящей--  
Себя своим падением продлив--  
Порыв, без вопля голосящий...

И мир один из глубины блестит,  
За ним во мгле другой мерцает.  
И где-то лист гармонии гремит  
И яростно во тьме бряцает...

Бряцай, бряцай, гармония, ликуй.  
И ржавым скрежетом отреза  
Под ветра яростным ударом куй  
Пока холодное железо...

Одним сильней ударом, чем двумя...  
Неударяемое место  
Звучит само, в ответ вдвойне гремя.  
И эхо ударяет вместе...

То звук невнятен, то невнятно — чист.  
Порывы ветра, налетая,  
С Эоловою ржавчиною лист  
С неравной силою листают...

Над бездной бьется края полоса  
Так негибаемо, столь гибко,  
Что глухо заглушают голоса,  
Фальшивящие без ошибки...

Но стоит ветру стать еще сильней  
И лишь одним порывом выше,  
Чтоб стало вдруг яснее — но темней.  
Чтоб дождь слышнее стал — но тише..

. . . . .



Стремительной душе наперекор  
Идет медлительное тело...  
Как! ты еще бессмертна—до сих пор...  
А я уж умереть хотело...

Из пустоты... густеющей... у ног...  
Исходит... зыблется... колеблет...  
И стелет... пеленающий венок...  
Свои медлительные стебли...

Иссеро—призрачная... белизна...  
Колеблемое... удлиняет...  
И еле зыблемая... голизна...  
Те колебанья пеленает...

. . . . .

Нашупавши в кармане коробок,  
Он пальцы озарил до боли  
И осветил пол носа, четверть щек.  
И подбородка своеволье...

Движением озябнувшей руки  
Как бы надрезал мрак неспешно...  
И, резким каплям ветра вопреки,  
Пыланье черточки кромешной...

И сделалось вокруг еще темней...  
    Как в ночь первоначальной веры,  
Сбирается с лица толпа теней  
    В ладони светлую пещеру.

Меж пальцев—щели городских камней,  
    Меж пальцев—тротуара щели...  
Ладонь пещеры глубже и темней  
    И свет вмещает еле-еле...

Священный строгий миг... Но, Боже мой,  
    Но, Боже мой, какие тени...  
В своей красноречивости немой  
    Какие тяжкие хотенья...

И есть благословение в огне  
    Столь человечески—ничтожном —  
Боженственно — языческом вдвойне—  
    И без него жить невозможно...

И тень одна уходит за другой,  
Оставшись светлой, стала серой,  
Ладонью, как пещерою благой,  
Согретая уже без веры...

И тень одна всё медлит, не спешит,  
От этих щек, от этой трети,  
И озаренный низ лица страшит:  
Он—в ореоле, но не в свете...

И скудный свет все тени разорит,  
Все тени сразу расточая,  
И он того тем мягче озарит,  
Кто жил, себя ожесточая.

И тень одна всё медлит, не спешит  
От этих щек, от этой трети,  
Не в силах всё еще никак решить,  
Куда идти и что не встретить...

И скудный свет все тени разорит,  
Все тени расточая сразу,  
И он того скуднее озарит,  
Кто служит сам всему отказом...

Стремительной душе наперекор  
Идет медлительное тело...  
Как! ты еще бессмертна—до сих пор...  
А я бессмертия хотело...

Вошел в туман — и скрылся до колен —  
И вышел из него—и с головою  
Исчез—и снова виден среди пелен  
Бесколыбельных с жизнью-неживою.

Остатки света всё щедрее мрак  
Дает... и всё скудней остатки света...  
И слышен удаляющийся шаг,  
В тумане заглушающийся эхом...

И снова вышел—и видна рука  
Отчетливо в неясности глубокой—  
И призрачность сгущается слегка,  
Прижатая к темнеющему боку.

Косые брызги бьют в лицо в упор,  
И шаг все более размерен . . .  
Как ! ты еще бессмертна—до сих пор...  
А я и в смерти не уверен . . .

Окутанные . . . мраком . . . далеки . . .  
И белизной... клубящейся... одеты...  
Плывут... плывут... плывут... материки...  
С частями . . . покидаемого света . . .

И снова выход, чтоб в него войти,  
Чтоб до колен от этой жизни скрыться,  
Чтобы совсем пропасть среди пути,  
Совсем пропасть, чтобы совсем не  
сбиться . . .

Спина... среди туманности видна...  
Как чаша...что переполняют ключья...  
Как чаша, что шатается... до дна...  
Дождливой осушаемая ночью . . .

И капельки летят в лицо в упор,  
И мокрому порыву ветра  
Дают опустошающий отпор  
Борта опущенного фетра . . .

Любить, забыть, любить, забыть, любить  
От первой до последней встречи...  
Беспамятным нельзя в тумане быть—  
В тумане вспоминают плечи...

Остатки мрака—это уж не мрак...  
Но более, чем мрак, остатки света...  
И слышен заглушающийся шаг,  
В тумане удаляющийся этом...

Сыреющая призрачная нить  
Иглою света разрывает клочья...  
И жизнь все тянется, как ни тяни,  
И всё еще за нею . . . . .

Средь теплящейся сырости костер  
Дымится шерстяной одежды...  
Как! ты еще бессмертна—до сих пор...  
А я уж потерял надежду...

Чистилища холодные клубы  
Клубятся все возвышенной, все гуще..  
Как бы непоправимые горбы...  
Бесколыбельности навек присущи...

Туманность... преисполнила спина...  
И... целая... выныривает... в клочьях  
И снова погружается... до дна...  
Дождливой осушаемая ночью...

Чистилища холодные клубы  
Клубящиеся низко над землекю  
Окутывают ад земли дабы  
Его очистить ангельской хулою...  
. . . . .

Туманности белеющий нажим,  
Чтобы твое забылось имя,  
Сплетается перед путем твоим  
Переплетеньями пустыми...

И зыблемые очертанья слов  
Оставили одни нажимы  
Едва коснувшись каменных листов,  
Чтобы твое забылось имя...

Туманного и зыбкого пера  
Сплетаются одни нажимы...  
Колелблешься еще... пора, пора.  
Чтобы твое забылось имя...  
. . . . .

## **ФУГА СВЕТЛЫХ СЛЕДОВ**





\* \* \*

Снег за ночь выпал... Светлые следы  
Ведут — через сверкание — к опушке —  
От смятой — головой твоей — подушки,  
От простыни, что смокалась в бразды...

\* \* \*

От смятой — нежностью твоей — подушки,  
От простыни со складками звезды —  
По снегу, выпавшему в эту ночь, — следы  
Ведут — через сверкание — к опушке...

\* \* \*

От смятой — за ночь выпавшей — подушки,  
От простыни, разметанной в бразды, —  
Ведут — через сверкание — следы  
К лучистой — с садом слившейся — опушке...

\* \* \*

От смятой — за ночь выпавшей — подушки,  
Как бы запечатления звезды  
И — как любовь, глубокие, — следы  
Ведут к лучистой чистоте опушки...

. . . . .

Декабрь 47.



БОРИС БОЖНЕВ

КОЛОКОЛЬНЫЙ ЗВОН

НАД

„ЦАРСТВО БОЖИЕ ВНУТРИ НАС“

ПОЭМА

1948



**ОЛЬГЕ ВИКТОРОВНЕ АНДРЕЕВОЙ**



Два пробило— хотя давно настало три,  
Без четверти лимона три стакана чая...  
Я бодрствую над «Царство Божие внутри  
Нас» — и пишу, усталости не замечая...

И в ореоле лампы темен кабинет.  
В скелете полок с ветхой кожей переплетов  
Сняют души, комх тел давно уж нет,  
Еще любя, еще благословляя что-то...

Но книги есть—на месте никогда их нет,  
Пустое место их—таинственно и слепо,  
Как будто погребенный музам поэт  
Воскрес и вышел к светлым ангелам из склепа.

И темнотой расширен лампы ореол  
До тишины, чуть зримой в темноты пределах.  
И освещенный кажется священным стол,  
И царство Божие страницу ввысь воздело...

И вновь порыв страницы медленно поник,  
И между пальцами слегка зажатый шелест  
Внизу страницы чуть возвышенно возник.  
И сладостно звучит его сухая прелесть.



**И лампы ореол расширен тишиной  
До тишины пределов, в темноте чуть зримых,  
И царство Божие сияет предо мной  
Страницею, которая неповторима...**

**В конце страницы шелест тихо вновь возник  
Сухой и сладостной шепоткою музыки,  
Что сыпется меж пальцами недолгий миг  
С чуть увлажнившейся негой без'языкой...**

. . . . .

**И пыль не заглушает шелеста сего...  
О пыль— ты эхо, что все песни заглушаешь,  
Все песни покрываешь... Отзвуки всего...  
И до себя сухой лишь шелест возвышаешь...**

. . . . .

**И тишина находит темноты предел,  
И кажется тогда средь темноты чуть зримой.  
И перед Царством Божьим я себя воздел  
Как светлую бескрылость, что неповторима.**

**Не светлая ль бескрылость— темноты предел,  
Не тишины ль бескрайность— светлая бескрылость,  
И перед Царством Божьим я себя воздел,  
И предо мной себя страница приоткрыла...**

И я увидел в ней лежащий плохо снег,  
Что бедная душа крадет, чтобы согреться,  
И слышал голос я — не трогай, человек, —  
Пускай крадет — куда от холода ей деться...

Не трогай, человек... Пусть плохо снег лежит —  
Должно лежать всё в этом грешном мире плохо,  
Пускай себе крадет — душа не убежит, —  
Не убежит ведь дальше своего же вздоха...

И я увидел дым, почти лишенный сил,  
Что над трубой не шел, а медленно влачился,  
И отчего он слаб, я даже не спросил, —  
Не оттого мне грустно, что я огорчился,

А оттого, что дым глаза мои не ест,  
И скудно гложет лик худой и гложет очи  
Иконы темной, пред которой, как на шест,  
Взошло яичко, что снесло Воскресной ночи

Колоколов медногремящее гнездо!  
Несли яички загремевшей меди гнезда,  
Гремящий вздох Христа, Его воскресший вздох  
Потряс раскачиваемый веревкой воздух!..

Веревка воздух раскачала вниз и вверх  
И, воздухом подъяв колоколов махины  
Тяжелозвонные, помётные поверх,  
Вносила звона голубиные глубины.

Внесенное подножье тяжкое махин  
Вдруг бахало тяжелозвонною вершиной,  
И бухало тяжелозвонностью вершин  
В падение подножья тяжкого махины.

И вновь подножьем тяжким медяной коры  
Вздымалась колокола темная пещера,  
И бухалась в разверстыя тартарары,  
Где голубиный смрад и воркованье серы...

И каждый твердый звук, всё более тугой,  
Вязал свои узлы незримо на веревке,  
И узел за узлом, и за одним другой,  
Завязывались крепкою тугой подковкой.

И звук тугой ковал и ликовал кругом,  
И набивал на звона плавное паденье  
Бочаг гремучий за певучим бочагом  
Торжественного и дремучего гуденья.

И вновь веревка, воздух раскачавши вверх,  
Держала в высоте колоколов махины,  
И вновь роняла их тяжелые, как грех,  
Во-серы смрад над воркованьем голубиным.

И колокол другой, как малая нора,  
В которую ведут тишайшие карнизы,  
Подножием взлетал, как легкая гора,  
И, падая, летел вершиною не к низу...

И вновь гремит вверх дном тяжело-черный звон,  
И, тяжестью своей исполнив мерность меры,—  
И преисполнившийся,—тяжко падал он  
Во голубиный смрад и воркованье серы.

И каждый твердый звук, как узел был тугой,  
И каждый звук вязал свой узел на веревке,  
И узел за узлом, за звуком звук другой,  
Завязывались крепкою тугой подковкой.

И звук тугой ковал кругом и ликовал,  
Оковывал паденье бочагом гремучим,  
Набивши бочаги,—гудение ковал,  
И набивал гуденье на бочаг дремучий.

И ввысь вверх звоном взнесены, сотрясены,  
Вверх звоном взнесены, сотрясены, машины,  
И в звоне громовом яички снесены,  
Снесли яички голубины глубины.

И вновь пещерой темною с куском горы  
Вздымался колокол из-под кромешной тени,  
И темные еще, как мрак, тартарары  
Гремели средь звящего неботрясенья.

В неботрясении гремят тартарары,  
И всё огромней, всё звучнее, всё темнее  
Зияние пещеры медяной коры,  
И всё слышней глагол, звучащий всё виднее.

И всё металл льет, льет, льет глагол  
И вылитый глагол льет, льет в металле  
Благую весть, которой огласился дол,  
Благую весть, которой звуки благом стали.

И мерный звон гремит, в просторе звон гремит,  
В безмерном звон гремит, просторе равномерно,  
Кончается простор, коль колокол молчит,  
И начинается в гуденьи, вновь безмерный !

**И снова звон гремит, в просторе? звон гремит,  
В безмерном звон гремит просторе равномерно,  
И вновь рождается в прощении ланит,  
То в левую, то в правую ударив мерно...**

**Гремящий вздох Христа, воскресший вздох потряс  
Низко нависший свод мешков, набитых небом,  
И с языком могучим радости возглас  
Казал свое раскачиваемое нёбо.**

**И так гремело около колоколов,  
С такою силою всё сокрушалось звоном,  
Что били звуки в грудь, как куль из облаков,  
Как куль из облаков, в грудь ударяя—вона!..**

**И ударя в грудь, как куль из облаков,  
И заглушая воздух отзвуками полный,  
Расколот воздух около колоколов  
На плавные в осколках без умолка волны.**

**Расколот воздух около колоколов  
И гулко переполнен волнами осколков,  
И разбивают эхо гулкостью кусков,  
Что около колоколов бьют без умолка.**

И всё металл льет, льет, льет глагол,  
И вылитый глагол льет, льет в металле  
Благуя весть, которой огласился дол,  
Благуя весть, которой звуки благом стали.

Тяжелозвонная махина, бахнув в медь,  
Внесенна ввысь от звона своего паденья,  
И бухает в паденье, чтобы возыметь  
Торжественное и могучее гуденье.

Гудит махина звона, словно не звуча,  
Лишь звон переводя падением тяжелым—  
Еще не кончив звон, гуденье лишь начав,  
Гуденье, опрокинувшееся вверх долом...

Гуденьем кверху опрокинувшийся дол,  
Переполюющийся радостью юдольной—  
И всё металл льет, льет, льет глагол,  
И вылитый глагол льет простор окольный.

И вновь веревка, воздух сильно воскачав,  
Держала в высоте гремящие махины  
И вновь роняла их, с наибольшего начав,  
Со старшего начав по ангельскому чину.

Он древен был и мохом древности порос,  
Но голосом могуч, как гром из ясной тучи,  
Из славы светлой тучи, где сокрыт Христос,  
Пронизывающий лучи пятой летучей.

Пята, пронизывая за лучами луч,  
Возносится и свет сияньем попирает,  
И свет клубится—тучки света в свете туч,  
И туча света тучки света подпирает...

И свет клубится— и, персты под'яв, Христос  
За свет чуть держится перстов благословеньем,  
И лучики шипов из сердечных роз  
Сверкают в трубах восхвалений... в отдаленьи .

И трубы восхвалений испустив лучи,  
Блистают ослепительностию златою,  
И в восхваленье, что слепительно звучит,  
Христос возносится пронзенною пятою...

Предивно устремленный ввысь одним перстой  
И за лучи держась слегка двумя перстами,  
Благословенье в свете чуть склонив святом,  
Упоевая свет воскресшими устами...



И свет летит, лучами осушив елей,  
Елей слегка дымится, светом оссиянный,  
И херувимов хор незримый все светлей,  
И в глубине незримости слышней осанна.

И свет клубится— и персты Христос под'яв,  
Чуть опускает долу высь благословенья,  
И туча света, тучки светочей об'яв,  
Возносит их—и блещет в трубах отдалеңе.

И оссиянные разверзлись уста,  
И вздохом потрясают вечной жизни лоно.  
Пронизана лучем сияния пята,  
И колокола глас гудит во время оно...

В неботрясени звенят тартарары,  
И всё огромней, всё звучнее, всё темнее  
Разверзшиеся недра медяной коры,  
И всё слышней глагол, звучащий все виднее...

И трижды вздох Христа, воскресший вздох потряс  
Низко нависший свод мешков, набитых небом,  
И с языком могучим радости возглас  
Казал свое раскачиваемое нёбо.

**И возгремело около колоколов,  
С такою силою все сокрушалось звоном,  
Что били звуки в грудь, как куль из облаков,  
Как куль из облаков в грудь ударяя—вона!**

**И ударяя в грудь, как куль из облаков,  
И оглушая воздух отзвуками полный,  
Расколот воздух около колоколов  
На плавные в осколках без умолка волны.**

**Расколот воздух около колоколов,  
И гулко переполнен волнами осколков,  
И разбивают эхо гулкостью кусков,  
Что около колоколов бьют без умолку.**

**И все металл лнет, лнет, лнет глагол,  
И вылитый глагол лнет, лнет в металл:  
Благую весть, которой огласился дол,  
Благую весть, которой звуки благом стали...**

**Торжественное и могучее гудит...  
Смерть поправа... Отныне жизни вечной верьте..  
И светлый час настал, чтоб саван пробудить,  
Чтоб пробудился саван, хладный саван смерти...**

И мерно звон гремит, в просторе звон гремит,  
В безмерном звон гремит просторе равномерно,  
Кончается простор, коль колокол молчит,  
И начинается в гуденьи, вновь безмерный!..

Протяжный звон, оттяжный звон, звон отражен  
Незримой лужицею снежности чуть талой,  
И чутся, что звон в нее весь погружен,  
Что талу синева чуть-чуть звенящей стала...

Во посреди здоровых и больших снегов  
Она, как сирота, бледнела и худела,  
Среди медвежьей дрёмы и еловых снов,  
Средь звездной беспробудности она глядела.

Таила таль в себе от всех надежд вдали  
Сокрытность от людей, что страшно одиноки,  
И незамерзший трепет ледяной земли  
Таила таль в себе глубоко-прёглубоко...

Где падал ли сучок— всё слышала она,  
И даже то, что тишину не нарушает...  
Глубокая и блещущая тишина,  
Где ярче света тени мервенно сверкают...

И дни, как будто бы еще не наступив,  
Короткие, казалось, не проходили,  
И гири шишек их, как будто позабыв,  
Казалось, позабыв, их гири шишек дляли...

Ночь наступала с лунной долгой беленой,  
И в мерзлой белене млея холода веночек,  
И лунный свет своей холодною длиною  
Не доставал до края бесконечной ночи...

И таль считала дни по бедности своей,  
И чем бедней она, тем бесконечней счеты ...  
Ведь бесконечны счеты очень бедных дней ...  
Но в скудости своей хранила свято что-то —

Неизреченную надежды синеву...  
И в синеве неизреченное блестело,  
И ничего еще не слышно на яву,  
Но даль в неизреченном тихо вазвенела...

И становилась таль прозрачней и бледней,  
И, синеву надежды разомкнув как губы,  
Что посинели, замерла — нет жизни в ней.  
Но в ней неизреченное звенит сугубо...

И таль считала за сугробами сугроб,  
И путалась она, сбивалась в сугробах—  
Когда все сосчитает—воссияет гроб...  
Не будь ее, никто не сосчитал, никто бы...

И сосчитала... и далекий звон звенит...  
И таль, овеянная дуновеньем вешним,  
Во отблеск жалкой синевы своей глядит  
И слушает глагол, столь дивный, столь утешный..

И всё сильнее, как волны, нарастает звон,  
Как радость нарастающая звон, как силы,  
И никому не слышно, что не талость он,  
А что она звон жизни Богу воскресила.

И мерный звон гремят, в просторе звон гремят,  
В безмерном звон гремят просторе равномерно,  
И вновь рождается в прощении ланит,  
То в левую, то в правую ударив мерно...

И колокол вознес Христа воскресший вздох,  
И правую ланитой и ланитой левой  
Глотая воздух, в силе славословья глох  
Под блянье весны, чуть слышное из хлева.

Махина звона, будто меди колесо,  
Катилась право славно в даль без поворота,  
И, словно вставленный в него вдали, лесок  
Всё дальше от него был с каждым оборотом...

И, колокол взнеся, воскресший вздох Христа  
Гремел с великою и радостною силой,  
И воздух проникал в согретые уста  
С весенней нежностью, еще промёрзло — хилой...

Торжественное и могучее гудит...  
Как в радости, звучащий добротой голос,  
Что радости звучащей добротой твердит —  
И свечек в темноте восходит многий колос...

И малый колокол, последыш, неразум,  
Нивесть болтая что, звенящая растрёпка,  
Веревкой получил — небось небольно — бум...  
И свечек в темноте восходит колос топкий...

Торжественное и дремучее гудит...  
И, благостью исполнен, тихий говор люда,  
И люди отстают, но свечки впереди,  
И свечки колосятся в огоньках повсюду.

И огоньки от трепета то отстают,  
То трепет свой во мраке тихо догоняют,  
И с трепетом сливаются, и вновь дают  
Ему уйти во мрак, свой свет перегоняя.

И озаренье лбов и осиянность щек  
Во тьме идут задумчивою вереницей,  
И душетрепетный мигает огонек  
В полуопущенных и ласковых ресницах.

И в каждый песнопением открытый рот  
Заглядывала свечка тишиной сиянья,  
И молча в темноте, кто пел, теперь идет,  
И свечка озаряет свет его молчанья...

Торжественное и певучее гудит...  
И благостью исполнен тихий говор люда,  
И люди отстают, но свечки впереди,  
И свечки колосятся в огоньках повсюду,

И огоньки от трепета то отстают,  
То трепет догоняют там и сям во мраке,  
И с трепетом сливаются, и вновь дают  
Ему уйти во мрак, где свечек всходят злаки...

**И дивно, что один трепещет огонек,  
Когда другой сияет ясен и спокоен,  
И этот среди других, а этот—одинок,  
Идет совсем один с закапанной рукою...**

**И мерный звон гремит, в просторе звон гремит,  
В безмерном звон гремит просторе равномерно,  
Кончается простор, коль колокол молчит,  
И начинается, в гуденьи вновь безмерный...**

**На нежный и задумавшийся юный рот  
Глядит трепещущее кроткое сиянье...  
И молча в темноте, кто пел, один идет  
И свечка озаряет свет его молчанья...**

• • • • •





**БОРИС БОЖНОВ**

**УТРО ПОСЛЕ ЧТЕНИЯ  
„БРАТЬЕВ КАРАМАЗОВЫХ“**

**П О Э М А**

**1948**



## **ЧАСТЬ ПЕРВАЯ**

# **ЦЕПЬ СТРАСТИ ДЛЯ КАДИЛА ВЕРЫ**

**En Dieu il y a deux processions,  
une par voie de génération et une autre  
par voie d'amour.**

**Dieu n'aime point le péché  
qui n'est point produit, n'y formé  
et n'est point une créature.**

**SAINT THOMAS**



До духоты натоплен кабинет,  
В печи горят березовые рощи...  
Стакана чая хладный веник тощий  
Бессонницы уж замечает след...

Тот след, что нерассыпавшийся перст  
Средь пепельницы пепла указывает...  
Хождение по комнате связует,  
Но путь бессонный не имеет верст...

Светает... Час рассвета есть такой,  
Когда темнеет мел, светлеет уголь..  
Свой решает теоремы угол —  
Одна из этих теорем — покой...

И каждый раз, как темнота угла  
Решала углубленный свой цисоид,  
Он чувствовал баюканье покоя,  
Идя от освещенного стола

В тот кабинета сумрачный конец,  
Где в раму вставлены большие тени,  
Ведущие, как темные ступени,  
К тому лицу, в котором есть венец . . .

И на венец в его лице взглянув,  
Чуть зацепившись, как всегда, за скулы,  
Угадывая взгляд слегка сутулый,  
Он шел обратно, в лампы свет свернув.

Садился, и сжимая грудь читал,  
Сжимая грудь себе двумя руками . . .  
Есть астма чтения . . . с ватными тисками . . .  
Которые . . . он всё сильнее . . . сжимал . . .

И постепенно отлегло мученье,  
И камень вновь упал с его души  
В глубь тины трепетной ночной тиши,  
В зеленоватость ореола чтения . . .

. . . . .

Раскрытый том, лежавший перед ним,  
Был цепью страсти для кадила веры...  
И шрифт его исчерно - пыльно - серый  
Был мелок под безличием одним...

И ровен был, как тихие торцы,  
Глухие в ливень и немые в пламень,  
Что переходят вдруг в неровный камень,  
Грохочущий в ночные все концы.

. . . . .  
Темно-малиновый кровопотек  
В углу тихо - сияющей иконы...  
Иван, Иван. почисть сюртук суконный...  
Четверг прошел, но вторник ведь протек...

. . . . .  
И для того шрифт ровен, невелик,  
Чтоб равным стать и в чем-то самым ближним,  
Чтоб дождиком весь вымостить булыжник  
И засушить бессмертье павилик ...



Чтоб в нем найти ответ— не на вопрос,  
Чтоб в нем найти вопрос— не для ответа,  
И чудо претворенья тьмы из света  
Свершает в нем фонарный купорос.

И фонари, мигая, в даль бегут,  
Мигание свое опережая,  
И, постепенно рост огня снижая,  
Вдали как будто низость жизни жгут . . .

. . . . .

Что мучаешься ты — ведь всё обман,  
Ведь молодость проходит раньше бедер,  
Ведь отчество стареет раньше, Федор, —  
Ведь не стареет лишь один туман . . .

Чтоб видеть только только волоски,  
Как повалить ее иль как поставить —  
Чтоб сладострастью крошки не оставить —  
На стол— на пир — над скатертью доски . . .

Темно-малиновый кровопотек  
В углу тихо-сияющей иконы...  
И слышен храп... и пот одеколона...  
Четверг прошел... но вторник ведь протек...

Метелица за окнами шумит  
И мерзлую бесследность замечает...  
Дамоклова сосулька нависает  
И блеском затаившимся грозит...

На свист нанизывая свист, свистит,  
В морозных иглах посвист стелет гулкий...  
Нависшая Дамоклова сосулька  
Угрозой затаившейся блестит...

И дом, стоящий на луны опушке,  
Снявшем залит—полон темноты...  
Замерзли Данаидины кадунки,  
Но спящий дом исполнен духоты...

Но что-то половица не скрипит...  
А... Смердяков из сумрачной передней  
В столовую прошел... На нем передник...  
Но разве время есть — весь дом ведь спит...

А... Он прошел, и быстро по бокам  
Он бросил вскольз два-три небеглых взгляда.  
Он ничего не нес, да и не надо —  
Не надо ничего пустым рукам.. .

А... Он пустые руки положил  
На стол и стул немного отодвинул,  
Потом опять его слегка придвинул—  
И так он в тишине ночной служил...

А... Шею он почтительно сгибал,  
Сгибался весь, чтоб не было сомненья,  
Что служит он... Но светопредставленья  
На свой он только приглашает бал...

А... Вот он, на пол что-то уронив,  
К невидимым осколкам приступает,  
На них ногой нарочно наступает  
И, мерзостным движеньем раздавив,

А.. Он раздавленное подает —  
Незримые осколки на ладони...  
И из бутылки, кажется, бездонной  
Он то, что кажется как будто пьет...

А... Улыбнулся, то есть побледнел —  
Его улыбка желтизной зеленой  
Во рту зменлась столь неутоленной.  
Что вдруг бокал незримый зазвенел...

А... Поднял он незримый сей бокал  
К губам своим— задумался, раздумал —  
И бросил вдруг в лицо со страшным шумом  
Тому, кому служил., и заикал...

А . . . Сразу он у ж а с н о е постиг . . .  
И с первым же толчком, иканья звуком,  
В его лице мелькнул, и скрылся с мукой  
Его потайный и сокровный лик . . .

А . . . Словно от икания толчка,  
В лице егѳ вдруг лик его сокрытый  
Явился, как процеженный сквозь сито  
Дрожания, и призрачный слегка . . .

А . . . Содроганье дольше и сильнее  
Потайный лик из глубины толкает,  
И — смертью смерть — в иканьи возникает  
И — сущим — из небытия видней . . .

А... Смертью смерть... иканье... смертью смерть-  
И— сущим во гробех — толчок— и сущим—  
Живот ... иканье ... даровав ... и смерд  
Толчком нетленья потрясенный пуще . . .

А . . . как пробив сквозь скорлупу яйцо,  
Беззвучно тронув страшные аккорды,  
Растленно — ангелическая морда  
Вдруг заменила все его лицо . . .

А . . . Мокрая . . . и к ней прилипший мрак  
Струится по щеке поганой струйкой —  
И стечь не может до конца никак —  
И пачкание продолжает булькать . . .

А . . . Смертью смерть —иканье— не поправ—  
Несущим во гробех — толчок — и пуще —  
Живот — иканье — сущим даровав —  
И в сущем потрясается не сущим . . .

А . . . Лишь местами ангельская сень  
Через растленье щек и лба, и носа  
Чуть проступает, как гнилая тень,  
Как сгнивший плод, как лужица поноса . . .

А . . . Стыдно морде шею повернуть.  
К стыду она не в праве повернуться,  
И от стыда не в силах увильнуть,  
И со стыдом не может отвернуться . . .

А . . . Выглянув по-ангельски на мир,  
В растление она спешит сокрыться —  
Но вновь икание — и морда длится —  
И уж не кровь, а бледность пьет вампир . . .

А . . . С каждым содроганием в лице  
Так появлялся лик во тьме сокрытый,  
Мелькал, скрывался, вновь мелькал забытый—  
Чуть стертый бледным трепетом в конце . . .

А . . . Вновь пробив сквозь скорлупу—молчком, —  
Беззвучно тронув страшные аккорды,  
Раствленно - ангелическая морда  
В небытие ударилась ничком . . .

А . . . Рот зажал и пытками пытался  
Икание свое остановить,  
И вдруг сказал — веревку легче вить . . .  
И половицы скрип тогда раздался . . .

В столовую Алеша не вошел —  
Остановился на самом пороге . . .  
Был сонный весь, испуганный немного  
Тем, что увидел, тем, кого нашел . . .

Поднявши руку к светлым волосам,  
Запутавшимся в облаке подушки,  
Он вдруг спросил — не знаешь ли, где выюшки,  
Чтоб печь закрыть бесовским голосам . . .

Я спать не мог — хотя потом уснул —  
В печи — под завывания метели —  
Бесовские мне голоса все пели —  
Я одеяло выше натянул . . .



И мне приснился страшный звон стекла . . .  
Но что с тобой — ты бледен, ты икаешь —  
Держи свой дух. . . держи — ты опускаешь —  
Держи свой дух. . . Метель, кажись, прошла...

Что я хотел — и тронул свой висок —  
И повторил— что я хотел — и щеку  
Себе погладил в слабости далекой —  
И стал как будто более высок —

И тотчас наклонил немного шею,  
И руку положил себе на грудь,  
Как будто защищал кого-нибудь,  
Еще на это права не имея...

И на мгновенье головой поник  
Над этой все светлеющей защитой,  
И грудь его, рукой его прикрыта,  
Казалась беззащитной в этот миг...

И что—то вспомнив, вспыхнул, как огонь.  
И покраснел почти до слез сквозь искры  
Смущения — и выпрямился быстро —  
И поднял вместе с голосом ладонь —

Все в доме спят, лишь мы с тобой не спим,  
Да бесы в печке возятся и воют —  
На что сдался — не ведаю — я им —  
Одною вьюшкой не спасутся двое . . .

И снова на мгновение поник,  
Как будто в слабости ища защиту,  
И на губах был шопот позабытый —  
И вновь приподнят был ладонью вскрик —

Так пусть уже она тебя спасет —  
На двух одной, пожалуй, будет мало . . .  
Но что с тобой — с тебя струится пот —  
Держи свой дух, держи . . . Неистовала

Метель всю ночь... Куда запропастил—  
Не знаешь ли— куда девались вьюшки ...  
Но я бесам неведомо простил —  
Хоть страшно и зароешься в подушку,

Но мне так жаль их безобразных рыл,  
Что не держусь за медный крестик, веришь ...  
Держи свой дух, держи, — он повторил  
Уже слабей, сойдя с порога двери ...

Ну, я пойду... Но прежде, чем уйти,  
Он Смердякову чудно улыбнулся —  
И с этой же улыбкой обернулся,  
Уже в передней, вымолвив — прости. . .

. . . . .  
: . . . . ' ' . .

Темно-малиновый кровопотек  
В углу тихо-сияющей иконы...  
И в серый... денежный конверт... исконный...  
Цыпленочку... гнездящийся п я т о к...

Да пожелает ли она придти ---  
Таким деньгам не место быть в конверте...  
... Она из тех, что сосчитать, поверьте,  
По пальцам не умеет до пяти...

Не говорит ни со своим разсудком,  
Ни с гордостью не шепчется своей ---  
Но знаешь, что всего она страшней, ---  
Когда вдруг тихо скажет прибаутку ---

Что борода — седая хрын-трава ...  
А ты под лампы траурную копоть,  
Ты жаждешь языком нащупать шопот  
В горячей сладостной слюне слова...

Метелица уж больше не кадит  
Язычеству, которое блистает ...  
Дамоклова сосулька нависает  
И блеском затаившимся грозит...

И лунного сияния тот свет  
Сливается с волшебным этим светом ...  
И дивный сладкий скрип в сверканьи этом  
Сокрыт, замерз... Всё нет ее... Всё нет...

И улица молчит, как этот свет...  
И на углу из окон желто-мутных, -  
Из окон чайной — плёском поминутным —  
Выплескивался мутно-желтый свет...

Что мучаешься ты — ведь все обман —  
Ведь молодость проходит раньше бедер,  
Ведь отчество стареет раньше, Федор,  
Ведь не стареет лишь один туман...

Она молчит, не смотрит на луну,  
И видит свет, что выплеснут из чайной,  
И ежели придет, рукой отчаянной  
Рванув звонок, как ржавую струну, —

Ты выбежишь, все двери отворишь,  
Она пройдет, не дав себя под локоть,  
И свет иконного кровопотека . . .  
Кумиром . . . озарится . . . сотворив . . .

И в миг когда скользнет ее платок,  
С плеча скользнет, и со спины, со стана,  
Ты скажешь ей — я на колени встану  
И раздавлю последний лепесток . . .

Последний лепесток я раздавлю  
Или своими нежными стопами  
Встань на него, покрытая шипами —  
Я кровь свою на тех шипах люблю . . .

. . . . .  
. . . . .

. . . Темнеет мел и уголь посветлел . . .  
Дыхание, об'ятое тисками,  
Он грудь себе сжимал двумя руками —  
Есть астма чтенья— ею он болел...

Всю ночь бессонную опять читал  
И первый том к утру закончил «Братьев»...  
И, наконец, зевая, как распатье,—  
Раскинув руки, он над книгой встал...

И глухо... на забвения басах...  
Часы пробили... словно в прошлом веке...  
И думал он— как вечность в человеке,  
Так коридор продолжен в голосах

Тех близких, что к нам издали идут,  
Чтоб ближе быть, идут по коридору,  
И на окне —ко мне войдя— найдут  
Сугробами опущенную штору...

Прислушался — но платье не шуршит  
И замерло уже у самой двери . . .  
«Войди» — и не услышав, но поверив,  
Заботливость к усталости спешит . . .

Обычный возглас: «ты опять не спал»  
Рожден сестрой, еще влюбленной в брата,  
И, как волна баюкает закаты,  
В ответ он головою покачал . . .

Покуда он молчал на возглас сей,  
Сестра сугробы шторы поднимала,  
И, поднимая светлой грудой всей,  
Она их в веер желтизны сжимала . . .

...Их мать в их раннем детстве умерла...  
Она в лиловом облаке ходила,  
Теряла их, звала и находила,  
Как крошки, что упали со стола.



И что сидели тихо под столом...  
И вновь теряла их в аллеях сада,  
Которых было более, чем надо,  
Чтоб прошлое найти уже в былом...

На хлопотах сильную любовь  
Он отвечал слабеющей улыбкой...  
«Когда ты ходишь — половицы скрипка —  
Она меня всю ночь будила вновь»..

Но восклицанья нежности родни,  
Сестра уже салфетку пеленает,  
И жизнь идет, как девушка земная,  
По корридору — кофе не пролив,—

В старинной чашке с синим ободком,  
И масло с оспой сыра на подносе,  
И взор, что исподлобья, тайком,  
К нему свое сияние возбосит

И говорит об утре, как Добре ...  
И снова взор к подносу опускает,  
И ложечка над чашкою мелькает,  
В нее кладя свой отблеск в серебре...

Два отблеска — и третий — положив  
В со сливками воркующую чашку —  
... А Клавдия в халате нараспашку —  
Вдруг вспомнил сквозь усталости прилив...

И сливочник, взлетев как голубок,  
Дает струе воркующей пролиться...  
... Страсть губит — и от страсти не отбиться...  
Не губит только — никогда — порок ...

И снова ясный взор к нему взошел —  
И в этот раз со смелостью глубокой —  
И он в ее сиянии темнооком  
Об утреннем Добре оячь прочел ...

Веснушки золотистые руки,  
Как буквы золотые в бедных строфах  
Неграмотных, в царапинах тоски...  
И свой алтарь, дымясь, возводит кофе...

Прокофий в это время внес дрова  
С веселой бородою в две охапки,  
В которых таяли снежинок крапки.  
И печь вступила в жаркие права...

... Когда ее он встретил в первый раз  
В просторном полусветлом коридоре,  
Мгновенное смущенье темных глаз  
Столкнулось с восхищением в упоре —

Но — восхищением посторонясь —  
Он, взоров пропустил ее смущенье,  
И — голову склонивши на мгновенье —  
Она прошла, ему не поклонясь...

Она в то утро в ихний дом вошла  
Чтоб новою служить сестре служанкой,  
А он к себе вернулся спозаранку—  
Та ночь в притоне с Клавдией прошла...

В той комнате, где часто он бывал,  
Где бархат был своим же эпилогом,  
И в раме позолоченной убого  
Обрушивается «Девятый Вал»...

. . . . .  
. . . . .



Б О Р И С  
Б О Ж Н Е В

---

У Х О Д  
С О Л Д А Т  
НА РУССКО  
ЯПОНСКУЮ  
В О Й Н У

---

П О Э М А

---

1 9 4 9



...И без конца штыки идут, идут,  
И каждый штык с другого начинает  
Штыка свой некончающийся путь,  
Свой путь, который третий штык кончает...

И чем всё ближе острия идут,  
Тем острия всё далее блистают,  
И все они бесчисленно растут,  
Но вместо жизни в смерти вырастают...

И солнце пробивает путь себе  
Одним штыком между двумя штыками,  
Что мерно — но как будто на горбе—  
Идут вперед с обратными толчками...

И по бокам штыка идут штыки  
И держат на ничтожном расстоянии  
От солнца—и безмерном от руки—  
Единый блеск с бесчисленным сверканьем...

Но каждый штык, идущий меж двумя,  
Не служит никому из них соседом—  
Один идет, совсем один, стоя,  
За блеском, за своим же блеском следом.



Шмыгает нос сопливую свирель,  
И наперед бегущие мальчишки  
Все отстают — пока шель да шевель—  
Хотя их лбы перегоняют шишки.

Мороз давно их за уши дерет,  
Но музыка их лучше согревает,  
И оттого они бегут вперед,  
И оттого за ней не попевают.

И, выглянув в морозное окно, —  
А мой этаж — как чин — был самый нижний, —  
Увидел я — они идут давно,  
Но не прошел их ряд и самый ближний...

Оркестра ярко-блещущая медь—  
И плавными толками колебаний —  
Войска идут — не престаёт греметь—  
К мужской, кровавой и нерусской бане...

Портянки мумий в валенках амфор  
Шагают в ряд и двигают колонны,  
И отблеск византийский Никофор  
Храпит в глазах спокойных, непреклонных.

К мужской — лишь отделение мужчин  
За отделением, лишь взвод за взводом...  
Пречистым рубахами кончин  
Возоблочен призыв второго года...

Портянки мумий в валенках амфор  
Шагают в ряд и двигают колонны,  
И отблеск византийский Никофор  
Хранит в глазах спокойных, непреклонных.

К кровавой—крови за струей струя  
Стечет— откуда— темная —из кранов,  
И скапает—откуда— с острия—  
На веник славы, как захлещут раны...

Портянки мумий в валенках амфор  
Шагают в ряд и двигают колонны,  
И отблеск византийский Никофор  
Хранит в глазах спокойных, непреклонных.

К нерусской— побывал во всяких Росс,  
А вот теперь— идет к Дальневосточной...  
В сей бане многоградусный мороз  
И непролазные снега ? — Так точно...

Шли с мыслями, глубокими, как тыл,  
Подмышками сжимая веник славы,  
И ни один на месте не застыл—  
С пехотою— поток казачьей лавы.

Вдоль улиц шли, текли среди площадей  
За парой как ошпаренная пара,  
И в мыльной пене сотни лошадей  
Нелегким обволакивались паром...

И лошадей горячих холод дул,  
Не охлаждал, не дул им в хвост и гриву,  
И губы мужественные Федул  
Сжимал, а не их надувал спесиво.

Веселая сопливая свирель  
Шмыгала песнь и песнь была курносой,  
Сопливая свирель — морозный хмель —  
Шмыганьем песнь курносую возносит...

И всадники, застывши в стременах, —  
Носками врозь— бока коней рубцуют—  
Невысоко взметая снежный прах —  
И в снежном прахе высоко гарцуют ...

На уровне горячего глотка,  
С которым холод в душу проникает,  
И узкого флажечного платка,  
Что ветер—резко развернув—сморкает...

. . . . .

Декабрьский воздух приглушенно-глух—  
Средь серой дымки призраков природы,—  
И лошадей величественный дух  
От всадников медлительно восходит—

К принизившимся толстым небесам—  
И, в отзвуки окутываясь глухо,  
Медлительною дымкой всадник сам  
Восходит вместе с лошадиным духом...

. . . . .

И кровь играет в лицах молодых,  
Их пурпур жив, хотя он и синееет—  
Пёр дух, пёр дух, пёр дух, пёр дух, пёр дух—  
Пёр дух упрямее, пёр дух сильнее...

Под циферблатом Родины побед  
Стал маятником полумесяц Турки...  
XII-ый твой пробил Карл о, Швед...  
И страшные кутузовские жмурки...

. . . . .

Кузнец богов иконы подковал  
Златым куском вверху святого мрака,  
В котором витязь русский ускакал,  
На полумесяц глядя, и заплакал...

Как матери валогнице Босфор  
Толкал земной приплод вражды небесной—  
Могил неверных каменных просфор  
Наследователь станет сыном крестным...

Пусть лобным местом Софьево зерно  
Размолото, что жерновом тяжелым,  
Пищаль палила пороха дерьмо  
И рукавами попадали в полы...

Но юный Петр уж тяжело преболен  
Поветренною оспою Яузы,  
Где ветер мелко выщербить успел  
У смоляного черного подгруза...

Удельный гнев набегом тростянков  
Шуршал на берегу в глухом тумане—  
Там, где русалки призрачность венков  
Плетут, смеясь у плёса царской баня.

Свою учебу начал Он с Азов—  
Вода перстом по карте домовито —  
Что свертывалась —как труба— на зов —  
И Гении вдруг затрубили в свиток...

И вот настали северные дни,  
И эхо дыма трубным звукам вторит,  
И эхо ночи— февэрков огни,  
И эхо чаши— с кровию викторий...

Опять, опять настал Великий Пост  
Из среброрыбьей чешуи колчуги...  
Опять, опять прибавится погост,  
Хотя его и заматают вьюги.

Над черным светом отческих икон  
Кузнец богов прибил святых подковы—  
И движется Российский Илликон  
На поле брани с жатвою багровой...

Портянки мумий в валежках амфор  
Шагают в ряд и дзигают колонны,  
И отблеск византийский Никофор  
Хранит в глазах спокойных, непреклонных.

Как две шеренги черной тишины,  
Толпа стоит вдоль движущейся части,  
Как туча средь сребристой белизны,  
Как туча слез, как туча безучастья...

Все гуще, все темней толпа стоит,—  
Жизнь подождет, а смерть теперь не к спеху,—  
И снежный блеск ее молчанье длит,  
Как грозно—ослепительное эхо...

Она молчит —готовая к борьбе,  
А те идут—воинственно, но мирно...  
Всю ненависть —она таит в себе,  
А те идут —беззлые к кумирне...

Хотя они сюда пришли вразброд,  
А кажется, что все явились сразу  
И встали вдруг —все — как один народ—  
Оправой темной снежного алмаза.

И две шеренги тишины молчат,  
Как туча слез, как безучастья туча,  
И шар земной, не двигаясь, влачат  
Средь тишины торжественно-скрипучей.

**И над толпою висится лоток  
Поставленный на голове подростка,  
Который не по возрасту высок.  
Всё тихо—только эхо отголосков...**

**Глазами сироты на мир глядел  
Сиротский сын огромного народа  
И в цепь баранок душу он продел,  
И цепь баранок—вся его свобода.**

**Красив неровной слабой красотой  
И кротостью невинной миловиден,  
Сиял, как ангел, ясной простотой,  
И, как зверек, сердечно безобиден.**

**Он целый день по городу ходил,  
Лотком вытягивая стебель шеи.  
То там, то сям он пищу находил —  
Его орлы кормили двух копеек...**

**Его любили все, и с ним шутя  
В усах сверкала иная улыбка,  
Уста ему сияли, чуть грустя —  
И он от всех вдруг убежал прешибко.**



Он видел город имени Петра,  
И был—хотя не ведал это Имя—  
Наследник каждого Его двора —  
Где дворники с берлогами своими...

И на дворы любил он заходить —  
Где темная угрюмая догнилость  
Шарманки.. за.. шарманки.. во..шарманки.. дить  
С конца середины начала унылость.

Разлуки ветхой... выжившей из нот...  
И с песнею, оставшейся от звуков...  
С чужою стороною поворот...  
Впадающие... ноты... вновь в разлуку...

Лохмотья песни... в дребезге тиши  
Дрожащие протягивали звуки...  
И падали с бумажками гроши...  
Карманами исшаренные руки...

День проходил, и мальчик уставал,  
Квадратный корень дыма шел из печек,  
И постепенно город наставал  
В огнях.. и был всё ближе, всё далече...

Он жил в углу—где спал на сундучке..  
Коптила лампа ореолом ада..  
В углу другом, в пропившемся смеше,  
Закашливающийся до упада

Жил неопределенный человек—  
Сутулости высокой очень роста..  
Не хром—он из душевных был калек—  
Хромают как-то руки их непросто..

Он книги бесконечные читал—  
Но будто бы одна и та же книга  
Пред ним была... и он ее листал  
С медлительной задумчивостью мига...

Лицо... еще... в приятности своей  
Старело медленно... еще... приветно..  
Еще... он молод... грусть... еще... видней..  
Грусть в старости уж менее заметна...

Весь как-то странно был он крылокоств—  
Сутулости высокой: очень роста—  
И наблюдал он некий тайный пост  
Своею худобою крылокостью.

«Вы служите»? — он отвечал — «служу...  
Опаздывает вечно наша служба»...

«Вы дружите»? — он отвечал — «дружу...  
До нас не доживает старость дружбы»...

Он был покладист с мирной тишиной,  
Но с шумом жизни... страшно... слабо... спорил...  
За угол свой любовью он ценой  
Бы заплатил — сейчас же... скоро... вскоре...

«Вы верите»? — он отвечал — о, да...  
И повторял — о, да... но охладело...  
»Божественна не для меня звезда,  
А вот сосульки — Божье это дело».

С метаморфозы грязной стуртука  
Пылинку он снимал, оставив пятна.  
На рюмки талии его рука  
Дрожала в полувальсе напопятном...

«Вы плачете»? — «У пьяных много слёз,  
Но трезвы — все на свете — трезвы слёзы»...  
«Мечтаете»? — «Я не любитель грёз,  
Но я из тех, кого так любят грёзы»...

**И в точку ту задумчиво глядел,  
С которой грёзы жизнь вновь начинают,  
Где боли начинается предел,  
Которую нам сердце причиняет.**

**Рассказ о прошлом возводился в чин  
Такой, что, светом высшим он блистая,  
Вдруг падал, и на чистоту причин  
Паденья копоты летела стая.**

**Рассказ хоть и не брлся никогда—  
То был рассказ на жизнь—на всю—небртый, —  
Но и не выростала борода—  
Ни пухом, ни пером щека покрыта...**

**Он помнил всё— как защемила дверь  
Смешок, что за спиной его раздался...  
Как он любил... Да также, как теперь...  
Закашлялся--- как будто разрыдался...**

**Как защемила дверь ее смешок,  
Что оборвался—словно потянулся...  
Он понял вдруг, что сердце не порок,  
И сердцем всем в пороке затянулся.**

Он тотчас же нашел свое пальто  
Духами поданое в раздевальной  
Пустой, где он увидел только то —  
Меха, в грехе наваленные свальном...

И—в ночь—а ночь—в луну—луна—в пустырь—  
Пустырь—в фонарь-фонарь—в сверканье снега,—  
Где темной желтизной мочи Псалтирь  
Гласил Осанну перед санным бегом.

Замерзшею «Волной» донес трактир  
Его до огненного самовара,  
В котором искажающийся мир,  
В котором исказившиеся твари .

И как увидел —чайник голубок  
На разгорающихся углях ада,—  
Так отвернулся— и немного в бок  
Смотрел... С тех пор он видит то, что надо...

Почти без слов молчал пред половым —  
Босой—к нему—тот подошел по искрам —  
По самоварным углам огненным—  
И водка сразу появилась быстро...

И водки залп—залп страшный—холостой—  
В закинутое неумело горло,  
И на лице— в безличности пустой  
Пять чувств одною судорогой сперло.

Почти без слов молчал, почти без слов...  
Почти без чувств, без чувств почти, без чувства...  
Трактирного оазиса... с Песков...  
Мираж... до оп'янения искусства...

За залпом залп давала водка в рот,  
И голова—откинута ударом—  
Из воздуха глоток один берет —  
Не сразу он дается и не даром...

И в точку ту грызущую смотрел,  
С которой жизнь грызенья начинается...  
Селедка перед ним— с хвостом от стрел  
Амура— свой скелетик очиняет...

И снова залп—залп водки— холостой —  
Что душу на мгновенье ослепляет  
И делает ее на миг пустой—  
И пустотой—прозревшей — наполняет...

И пустотой —прозревшей пустотой—  
И пустотой —до ужаса— прозревшей—  
Наполнилась душа... Пстой, пстой...  
И снова леденящий залп... согревший...

Мираж... до оплывания песков...  
Под пальмою... оазиса земного...  
Почти без ночи ночь... Рассветы снов...  
Рассветы снов... Без снов рассветы снова...

...Но странно, что он стол не находил—  
Всё находил... стул, пальму... углового  
Щегла... а сколько б раз ни приходил,  
Свой стол искал... как ищет честь—где Слово?..

Рассвет рассказ уж знает наизусть,  
Что кашель бесконечно повторяет...  
Но пусть его рассказывает, пусть...  
Угаснув —лампа— фортку отворяет...

И мальчик утром рано уходил,  
И светел был, хоть был он чадом чада,  
И цепь свою бараноқ находил  
И свой лоток — как щит без Цареграда...

Между господ разряженных я дам—  
И толкотни, составленной из людя,—  
Он шел, читая город по складам—  
По суд—здесь судят... нет! —горшок! —по-суда

...Он вспомнил вдруг—стремил квартет коней,  
Как черный рай сверкавшую карету,  
И женщина с лицом прекрасным в ней  
Мелькнула—неподвижна как в портрете...

И черный рай кареты так блестел,  
Что перед нею снежный блеск затмился,  
И долго-долго он вослед смотрел,  
Пока квартет коней совсем не скрылся...

Пустопорожне-синие шары  
Пустопорожний пурпур ворожили  
В окне аптеки... Стеклою коры  
Стекланность вспыхивала, гасла или...

И дальше шел и нес его лоток,  
Как шаткий челн, как жизни челн несладкой...  
... Сосулек пила пилят водосток...  
... Из инся лохматая лошадка...



И с желтизной мочившихся собак  
От стенки до середины тротуара,  
Раскрывшеюся дверью вдруг кабак  
Мороз ошпаривая клубящим паром.

И доносил рыданные машин—  
Поросцисная песенная груда,  
Что за аршином тянется аршин,  
Неведомо куда и ни откуда...

Начавши песнь с усталостью— с трудом  
Вот всё сильнее—с яростью нетвердой,—  
Она стучит в судьбу самосудом—  
Стучит в судьбу самосудом—аккордом...

Какую хошь усталость перегрут  
До дребезга звенящие турусы—  
С зевками эхо пустозвонный труд...  
И то удары катятся, как бусы,

А то сережек с дреньканием дрожь,  
А то брянчание брелков браслста,  
А то звенит, как вынь-ка да положь  
С зевками эхо, бренькание это..

Ударов редкий и хрустальный град  
Стал учащенной—сделался железным—  
Ошибка нежных огрубевший лад—  
Ошибка грубых лад печально—нежный...

И песнь судьбу как хватит кулаком,  
Да всё сильнее—с яростью нетвердой—  
И с эхо оглушительным рывком—  
Стучит в судьбу самосудом—аккордом...

И бьет судьбу и разбивает в кровь,  
И эхо в синяках таких, что диво,  
И шлет туда гулящую любовь,  
Где выступала скромно—горделиво..,

И хрусталями ударяет в град,  
И разбивает град хрустальным блеском —  
Ошибка грубых мягко—грустный лад,  
Ошибка нежных лад сурово—резкий...

И бьет и бьет аккорд самосуда,  
Всю разбивая в кровь судьбу нещадно,  
И шлет любовь туда, где нет стыда,  
Где было всё стыдливо—ненаглядно...

**И вдруг, не все на свете позабыв,  
И в кровь судьбу, не давшую пощады,  
Аккордами самосуда разбив,  
Она как грянет всей своей громадой,**

**Вся, как земли трясение, дрожит,  
И песенною лавой вся клокочет,  
И яростная дрожь по ней бежит,  
Себя не помнит и забыть не хочет...**

**И вновь как грянь аккорд самосуда,  
Всю разбивая в кровь судьбу бесщадно,  
И шлет любовь туда, где нет стыда,  
Где было всё стыдливо-ненаглядно...**

**Потом стихает буря за ребром  
Одним, другим, все глуше, в беспорядке,  
И дико озирает бурелом,  
Разметанные озирает грядки,**

**Притихла...И к округлым облакам  
Она плывет за песенной калиткой,  
И рассыпает тихо по бокам  
Негромких малых звуков маргаритки...**

И мальчик видел изобилья рог—  
Над лавочкою яркою, как щелочь,  
Когда скупой морозной ветерок  
Донес к нему железных звуков мелочь, —

Что, отдавая, вновь назад берет,  
И вновь дает не тем, кто бьет баклуши, —  
Достаточно, чтоб накопить широт  
И без того для широчайшей суши...

Он, тихо вскрикнув, ловко побежал,  
Держа лоток позябшею рукою,  
И локоть свой оборванный держал,  
Как распутившийся цветок левкоя.

Он улицы трубою сокращал  
Еще незримой, более все гулкой,  
И трубный блеск златисто освещал  
Среброискрящиеся переулки.

Свернул — направо — влево — поворот —  
И — выбежав — остановился резко —  
К нему спиной повернутый народ  
Стоит — как туча темная средь блеска...

И он увидел— головч идут,  
Штыки блестят, в сверканьи не кончаясь,  
И трубы солнце на морозе жгут,  
Со смертью в кольцах ледяных венчаясь.

Горсть золота за горстью серебра  
Кидало солнце трубам звономедным,  
И сердце за нашивками ребра  
Пылало счастьем гордым и победным.

И трубы ослепленно солнце жгут,  
И оглушенный воздух резко рушат,  
И членов нераздельное орут  
Во эхо затыкающее уши...

Набравши в щеки звуков медяки  
Про черный день, про черный день, про черный,  
В рог изобилья дуют бедняки,  
Задами злата чтоб сребристо пернуть...

И солнце ослепительно горит,  
В зенит звенящий искры сыплет в трубах,  
Зенит звенит, звенит зенит, звенит,  
И дым идет, что выпускают губы...

Проходит ряд безжизненно - могуч—  
Одни кусок безжизненной природы—  
И распадается— что камни круч—  
На силу, слабость, мощь— когда проходит...

Всё сведено к какой -нибудь щеке —  
Ее шиповник нежен и под бритвой...  
Тяжел тулуп, а он как валежке  
Идет, и взор что ястреб в час ловитвы...

И снова ряд безжизненно-могуч—  
Один кусок безжизненной природы—  
И распадается—что камни круч —  
На силу, слабость. мощь—когда проходит...

Всё сведено к каким-нибудь глазам,  
Что встретившись с внезапным женским взором,  
Вскричали--ах, я жизнь свою отдам  
Не за тебя— в любви твоей дозоре...

Не я пойду в любви твоей дозор,  
В простор ночной губительный и томный...  
От глаз моих твой оторвется взор,  
Но все же знай... И иногда припомни...

Красиво попадают рукава  
В широкие, размеренные взмахи,  
И кажется, что сксшена трава,  
И кажется, что улетели птахи...

И всё идут, и снежная земля  
Пред ними расступается упрямо,  
И все идут, и, мерно шевеля  
Как бы плечами, попадают в ямы...

Выныривают снова и идут...  
То снег пищит, как старой куклы грудка...  
То кала замерзающего жгут...  
То в небе вдруг как будто незабудки...

То—создана из своего ребра—  
Бежит средь худобы своей собака...  
То испитая лилия добра  
Не оставляет ни кровинки маку...

Оркестр—как смерть— внезапно перестал, —  
И в тишине, мгновенно наступившей,  
Немного больше каждый вдруг устал  
Кому-то —где-то— в чем-то уступивши...

Я за окном неясно услышала  
Внезапное отрывистое — «смирно»,  
И вдруг — цвет неба нежно-бледно-ал...  
Как! — пышная и солнечная Смирна,

Лазурно-розовый приморский рай,  
Благоуханное очарованье...  
Цветы, плоды... Любуйся, выбирай...  
Увы, незримы эти чары Ване...

Он в шумный и торговый ряд залез,  
С лицом печальным, не кувшинным рылом,  
А бабочки летят, как щепки... Лес  
Не рубят ли. прозрачно-легкокрылый...

Но замер шумный и торговый ряд,  
И каждый выставил лицо товаром...  
Мои глаза не жадностью горят,  
А к богатеям ненавистью старой...

За го, за то, что в небазарный день  
Товар, который завокует рынки.  
Они приобретут за дребедень,  
А женщина идет с пустой корзинкой...

. . . . .



Без струн оркестр как струны зазвенел...  
Сперва, как будто эхо лишь, играя —  
Так тихо-тихо, словно ангел пел,  
Крылом печально щеку подпирая.

Как две шеренги черной тишины,  
Толпа стоит вдоль движущейся части,  
Как туча средь сребристой белизны,  
Как туча слез, как туча безучастья.

Она молчит —готовая к борьбе,  
А те идут—воинственно, но мирно...  
Всю ненависть она таит в себе,  
А те идут беззлые к кумирне...

Хотя они сюда пришли вразброд,  
А кажется, что все явились сразу  
И встали вдруг —все — как один народ—  
Оправой темной снежного алмаза.

И две шеренги тишины молчат,  
Как туча слез, как безучастья туча,  
И шар земной, не двигаясь, влачат  
Средь тишины торжественно-скрипучей.

**И вдруг оркестр в сверканиях тугих—  
В змеинные блистающие Веди—  
Взгремел во извиваниях своих  
Лаокооном обреченным меди...**

**И лаокооническая медь  
Сжимает в страшных кольцах тела части,  
Чтоб на груди у каждого согреть  
Тебя—Копытом вознесенный Аспид...**

**И гибелью гремит Лаокоон,  
И валенок змеинное шипенье  
Тишайшее— не заглушает он,  
Шипы вонзая в розы песнопенья...**

**Натугой ослепительной лучей  
Ужасные сверкания обвиты  
Вокруг боренья торсов трубачей...  
Задавливается баплычный свиток...**

**И валенок шипение шуршит,  
И в трунах извивается змеинность,  
И гибелью Лаокоон гремит,  
И гибнет сам, но раньше гибнет с сыном...**

И, раньше чем погибнуть с ним, с одним,  
С другим он гибнет обреченным сыном.  
И валенки шипением своим  
Пугают снег, что делается синим...

Но ничего нежнее нет, чем медь,  
Которая испытывает нежность;  
К тому, кто должен будет умереть,  
И без которого — смерть неизбежна.

И борется вотще Лаокоон,  
И валенок змеиное шипенье  
Слышней того, что заглушает он,  
Шипы вонзая в розы песнопенья.

Без струн оркестр как струны зазвенел  
Одно, как будто эхо, чуть играя —  
Так тихо-тихо — словно ангел пел —  
Всё дальше-дальше от земного края...

И гибели вещания спасут  
В борении Лаокоона души.  
И Три Кита торжественно плывут,  
Покачивая часть шестую суши.

**...И без конца штыки идут, идут,  
И каждый штык с другого начинает  
Штыка свой некончающийся путь,  
Свой путь, который третий штык кончает.**

**И чем всё ближе острия идут,  
Тем острия всё далее блистают,  
И все они бесчисленно растут,  
Но вместо жизни в смерти вырастают...**

**И солнце пробивает путь себе  
Одним штыком между двумя штыками,  
Что мерно – но как будто на горбе—  
Идут вперед с обратными толчками...**

**И по бокам штыка идут штыки  
И держат на ничтожном расстояньи  
От солнца—и безмерном от руки—  
Единый блеск с бесчисленным сверканьем.**

**Но каждый штык идущий меж двумя  
Не служит никому из них соседом—  
Один идет, совсем один, стоямя,  
За блеском, за своим же блеском следом.**



ВЫСОКО БЕЛЕЮЩИЕ СТРОКИ

И СВИСТ ПЛОЩАДИ





**Свистела площадь. Стелящийся свист  
Свивался в извиваниях змеистых,  
В струистых набеганиях серебристых,  
Скользя по льду, что стал кромешно-чист.**

**И как бы мглисто и как бы темно  
Вкруг ни было—светлей от свиста сразу.  
Свист стелется—и ясно виден глазу,  
А ухо он уж просветлил давно.**

**И в мглистости на стелящийся свист,  
На низкий свист ничто не прибегало—  
Но веяло, струилось, набегало  
Всё явственней, хотя был воздух мглист.**

**Давно угас извозничий костер,  
И хаос снега лег перед Театром  
Сверкающим во тьме амфитеатром.  
И струны телеграфные простер**



**Из мрака в беспросветность темноты,  
Как высоко— белеющие строки,  
Чтоб бесконечной белизной высокой  
Молчание исполнить чистоты...**

**Между строками звездный свод отверст,  
И неподвижно белизна витает,  
И гения тень головы читает  
То, что предуказует Божий перст..**

**И ясно видно лишь средину строк,  
Концы во мрак уходят, в бесконечность,  
И Времени замерзла быстротечность,  
Но гений пуще Времени продрог.**

**Промёрз средь свиста низкой темноты,  
Но, напрягая всю тоску, всю волю,  
Гармонии он постигает полюс,  
Выдерживает полюс немоты...**

**И смотрит на витанье белизны,  
И слышит строк беззвучные аккорды,  
С такую грустью гордой, негой твердой  
Берущие величье тишины...**

**Берущие величье тишины  
Беззвучных строк тишайшие аккорды —  
За хордами торжественные хорды  
В даль удаляющейся белизны...**

**С витанием сливаясь белизны,  
Беззвучных строк все дальше шли аккорды  
С такую негой твердой, грустью гордой  
Вдоль большей и вдоль дольшей тишины...**

**Вдоль большей и вдоль дольшей тишины  
За хордами торжественные хорды  
Сквозь свиста нарастающие орды  
В даль удаляющейся белизны...**

А площадь свищет... и луна видна  
В затмении морозном и нечистом,  
И в ореоле сумрачно - лучистом  
Обледенело ворожит она.

Во тьме мерцают снега синяки.  
Под санной ссадиной снегоподтеки,  
И свист зацципливает прежестoko,  
И смерть пронзает до ее тоски.

И синяками снежными луна  
До полумертвенности вся избита,  
И мертвенно синеющим в орбитах  
Сиянием безжизненна она.

Свет темноте и свету темнота  
Ни в чем не уступают... Площадь эта  
Могла б служить Гармонии ответом,  
А в ней молчат из Оперы места...

**Раскатанные росчерки саней  
Уже умолкли, больше не скрипели  
Перед театром, где среди ущелий  
Пел грустный Демон, бледности синей.**

**И тень идет вдали от фонарей —  
Вкруг фонарей, как некий круг порочный,  
В котором в час морозный, в час полночный  
Нет никого... И тень идет скорей.**

**И в темноту торопится уйти  
От светом ей начерченного круга.  
И тени кажется, что в свете выюга —  
Что искрами собьет ее в пути...**

**И свист ее пронзительно зовет,  
Чтоб испытать, насколько одиноко.  
Докуда только достигает око,  
Она в недостижимое идет...**

**И тень идет вдали от фонарей,  
И ей всё кажется — в их свете вьюга,—  
В которой искры борются друг с другом  
Чтобы угаснуть ярче и скорей.**

**И искры борются между собой,  
Передавая смерть свою друг другу,  
И в каждой смерти радужные дуги  
Сверкают смерти искрою живой.**

**И яростней меж искрами свистит  
Пронзительная ледяная щёлка.  
Мороз не страшен, что трещит без толка,  
Куда страшней, когда он шелестит.**

**У ног почти у самых шелестит...  
Закручивается... и далью вьется...  
Выкручивается... и не дается...  
И месть метет... но не взметаёя— мстит...**

**И на мгновение теряет площадь,  
И где-то в тьме потерянно скулит,  
И вдруг, как щель свистящая, из плит  
Прорвался снова яростней и плоче.**

**Свивается в свистящее кольцо  
И в пальцы ледящие занозы  
Вонзает... и в глаза вонзает слезы  
Крупней, чем соль, крутые, как яйцо.**

**Глаза в занозах резкомерзлых слёз  
Свои резницы в света круг вставляют,  
И свет обратный кругу отдаляет  
Видения сверкающие грёз.**

**И грёзы через мерзлость слёз растут,  
Затмивши ледяные эмпирей,  
И делаются жестче и грубее,  
Но всё, что было нежного,—спасут...**

**И свет, обратный кругу колеса,  
Раздваивает невозвратность грезы,  
Крошит, дробит и вновь сливает в слёзы,  
И свист их снова режет, как коса...**

**И тоненько-претоненько свистит—  
Чем тоньше свист, тем он труднее рвется.  
Замерзло эхо... И не отзовется  
И отзываться сердцу не велит.**

**И слышится то низость высоты,  
То пьедесталом стелется под низким...  
И видит гений все свои опёски  
Средь ледяного свиста темноты.**

**И тень идет, и эхо чуть хрустит,  
И слышен только отголосок эха  
Под свиста взвизгивания от смеха—  
И тень лицом вдруг к Нелицу стоит.**

**С наставшею внезапно тишиной  
И видит: строки в мраке наступают  
Ее своей высокой белизной,  
И снова их аккорды постигает.**

**И видит гений, голову под'яв, —  
И взором одновременно и слухом—  
Всё то, всё то, что охватил он духом,  
Дыханьем перехваченным об'яв...**

**Среди витийственные белизны  
За хордами торжественные хорды  
Сквозь свиста нарастающие брды,  
Берущие величье тишины...**

**Берущие величье тишины  
С такую грустью гордой, негой твердой,  
Всё удаляющиеся аккорды  
Вдоль большей и вдоль дольшей белизны...**



И снова площадь, свистом шелестя,  
Трет, как кремь, и вспыхивают искры,  
И свист опережает их, и быстро  
Летит, и, перед искрами летя,

Не престаёт на пепелище дуть  
И холод пепелищем раздувает...  
И вдруг куда-то сам себя деваёт,  
Чтоб Самым Низким Образом надуть.

Или, видениям душевным лстя, —  
Переводную страшную картинку—  
За льдинкою прельстительную льдинку  
Пребыстро трет, ещё быстрее смета.

Безобразная безобразно рябь  
Бежит, струится, навеваёт, веет,  
И твердь замерзшая полуживее,  
Чем неподвижно-ледяная хлябь.

**И тоненько - претоненько свистит—  
Чем тоньше свист, тем он труднее рвется.  
Замерзло эхо... и не отзовется.  
И отзываться сердцу не велит...**

**От'явнейший то сверху к низу свист,  
То снизу вверх—но ниже человека—  
Особенно, как видит,—не от века,  
Особенно, как чувствует, что—артист.**

**Поешь в театре—руку подаешь  
Кому-то в высь, исполненную пеня..,  
К столу ты припадаешь, как к ступени  
Гармонии—ну, значит, пропадешь...**

**С издевкою потайною свистит..  
Закручивается... холуйски вьется..  
Выкручивается... и не дается..  
И месть метет... но не взметая—истит...**

**И горе бесконечное тому,  
Кто пальцы в свист пронзающий положит  
И чувствует, как холод страшно гложет,  
И смотрит в тьму, и смотрят, смотрит в тьму. . .**

**Или к живописанью припадешь—  
Плоть полотна своей душой насытишь—  
Уж голода в ушах звенящий Китеж...  
Ну, значит, пропадешь ты, пропадешь...**

**А площадь свищет... словно бы насквозь,  
Стрелу насквозь пронзает тетивую.  
А ты —твоей мансардой ледяною  
Огонь алтаря согреется авось. . .**

**По комнате ты ходишь... пропадет...  
Как маятник, как маятник бессмертья...  
Свои мечты с его мечтами сверьте —  
Он от бессмертия не отстаёт...**

И счастье великое тому,  
Кто пальцы в свист пронзающий положит,  
И к жару сердца холод их приложит,  
И смотрит в тьму, и смотрит, смотрит в тьму—

Что тоненько-претоненько свистит,  
Чем тоньше свист, тем он труднее рвется...  
Замерзло эхо... и не отзовется...  
Но сердце отзывается... болит...

И тень идет вдали от фонарей,  
И ей всё кажется, что в свете вьюга,  
В которой искры борятся друг с другом,  
Чтобы угаснуть ярче и скорей.

И борящиеся между собой  
Сверкают в искрах радужные дуги  
Передавая смерть свою друг другу,  
Чтоб смерть была бы с искрою живой.

**И тень идет средь свиста темноты,  
И, напрягая всю тоску, всю волю,  
Гармонии она постигла полюс,  
Выдерживает полюс немоты.**

**И смотрит на витанье белизны,  
И слышит строк белеющих аккорды,  
С такою грустью гордой, негой твердой  
Берущие величье тишины...**

**Сиявия сильнее белизны  
За хордами сверкающие хорды  
Все удаляющиеся аккорды  
Вдоль большей и вдоль дольшей тишины...**

**И далее и дольше тишины  
Беззвучностью простертые аккорды  
С такою грустью гордой, негой твердой  
В послеслияние предбелизны...**

• • • • • • • •  
• • • • • • • •



Из «Cinq Dessins» Б. Божнева.





**Б. Божнев с Эллой Каминер.  
Marseille, 1947.**





1935.



1929.



1936.



1947.



Paris, 1934.

1950.





1945.

Marseille, 1945.

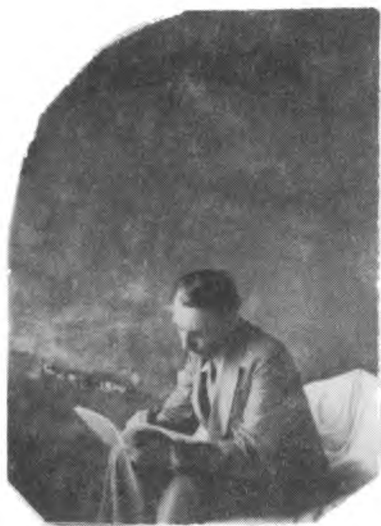




Marseille, 1946.



1947.



1950.

1945.



**НЕСОБРАННОЕ И НЕОПУБЛИКОВАННОЕ**





1

Улыбкой тихой и нетленной  
Стоишь у сердца моего,  
На темных небесах его  
Сияя радугой бессменной.

Но нет былого вдохновенья  
И жара странного в крови,  
И мир холодный песнопенья  
Не оживит восторг любви.

Так иногда на поздней тризне  
Еще блистает луч живой,  
Хотя диск солнца огневой  
В иных мирах встает для жизни.

2

Ты меня сотворил из глины.  
Глина прахом стать успела.  
Утомителен путь длинный,  
Измучилось, истомилось тело.

Ты вдунул дух светлый  
В мой образ, Тебе подобный.  
И вот он — поблеклый,  
И грешный, и утробный.

Молюсь все суеверней,  
Мыслью, делом, словом,  
О глине — глине древней,  
О духе — Духе новом.

Еще связуют якоря  
С тяжелым и зеленым илом,  
Еще вечерняя заря  
В последний раз на небе миллом,

Еще, мечтая о былом,  
Глядишь с тоской на порт невзрачный,  
А чайка голубым крылом  
Уже нам чертит путь прозрачный...

К какой земле он приведет,  
Какое небо мы увидим,  
К какой любви он нас ведет,  
Кого, кого возненавидим?

К каким туманным берегам  
На нашем корабле прибудем,  
Каким помолимся богам,  
Кого найдем, кого забудем?

Иль, может быть, мы, утомясь,  
Без страха и без сожалений  
С чредою скорбных впечатлений  
Прервем мучительную связь,

И нас течение отнесет,  
С морской травой и с вязким илом,  
К тем берегам, где рай цветет  
Зарей вечерней в небе миллом...

Как четки на нить, нижу  
Смертельные битвы...  
Ненавижу себя, ненавижу,  
Ненавижу свои молитвы,

Свой мудрый дар песнопенья,  
Свой подвиг и жертвы.  
Ненавижу свое воскресенье  
Из мертвых.

Эти черные дни без цели,  
Эти черные ночи без смысла...  
Радости заржавели,  
Спутались числа.

А так верила и мечтала  
Душа о рае.  
И вот, — что сжигало —  
Сгорает.

Нет сил в восторге онемелом  
Очарованье превозмочь, —  
Рисует Зодчий черным мелом  
На бледном небе эту ночь.

Он пятнами закатных туч  
Прозрачность дали заменяет  
И тенью смутной затемняет  
Последний отраженный луч

И вот — и сумрачно, и плотно,  
Висят среди вечной немоты  
Небес огромные полотна  
С изображеньем темноты.

6

Сегодня мой, доселе смутный, взор  
Увидел в белом утреннем тумане  
Холодные серебряные сани,  
Сбегающие с дальних светлых гор.

Они катились так легко и зыбко,  
И правил ими старец, весь седой,  
С бровями хмурыми и с длинной бородой,  
И детская запомнилась улыбка.

И долго я смотрел ему вослед...  
И понял вдруг, кто, улыбаясь, правил,  
Кто проложил и предо мной оставил  
Вдаль уходящий, вдаль зовущий след.

Он, неширокий, был глубок и чист,  
Потайный знак для тех, кто нищ и светел,  
Кто уж давно предчувствовал, и встретил,  
И услышал саней прозрачный свист...

7

Душа моя, не отлетай от тела,  
Хотя болеет и гниет оно,  
И ночью потом ледяным потело,  
А пред глазами делалось темно.

Не веруя, как верят христиане,  
Что смерть стоит у запертых дверей, —  
Пока спокойно и тепло дыханье  
И свежих губ и розовых ноздрей,

Тебя молю: побудь в бессильном теле, —  
Оно слабеет, но оно живет,  
И согревает простыню постели  
И одеяло греет мой живот.

Пускай, уже лежащий неподвижно,  
Лекарствами себя не излечу,  
Я пыль сдуваю со страницы книжной,  
Могу гасить оплывшую свечу.

И, чтобы губы не похолодели  
И слабая приподнималась грудь,  
Во мне, душа, немногие недели  
Дыханием и вздохами пребудь.

И, не измучив воспаленных легких,  
Кровавую не исторгая слизь,  
Ты облачком серебряным и легким  
На зеркале воздушно отразись.

8

Мы другу предлагаем папиросы  
И книге все вниманье отдаем...  
Мы быстро отвечаем на вопросы  
И сторонимся на пути своем...

Мы уступаем дружелюбно в споре  
И двери открываем на звонок...  
Мы говорим с печальными про горе  
И ходим к тем, кто очень одинок...

9

С. Яблоновскому

Себе я часто руку жму,  
Когда все переутомило,  
И, словно другу своему,  
Шепчу себе — ах, здравствуй, милый,

А поздороваюсь — рассказ  
Про умирание и скуку,  
И утешает всякий раз  
Одна рука другую руку...

Сейчас себе я руку жму,  
Благодаря за состраданье,  
И, словно другу своему,  
Шепчу себе — ах, до свиданья,

И знаю, левую держа  
Знакомой правою рукою,  
Что левая, слегка дрожа,  
Ответит с грустию такою...

10

А если Муза станет проституткой,  
То всю неделю я, ожесточась,  
Работать буду и не есть по суткам,  
Чтобы в субботу к ней пойти на час...

Так каждый день, усталый от работы,  
Я буду грязным приходить домой,  
И думать вслух: как долго до субботы,  
Как мало платит мне хозяин мой...

11

**Илья Зданевич**

Три пальца — кукиш, и три пальца — крест.  
И кукишем ты крестишь футуристов,  
Через монокль читая манифест,  
За кафедрой насмешлив и неистов.

12

**Ночь**

Молчание ночного мира.  
Далекий лай загробных псов.  
Спускается все ниже гиря  
Бессмертных неземных часов.

Лишь легкомысленная младость  
Ночь назначает для любви...  
Огонь другой, другая сладость  
В моей мужающей крови —

Ей нужно поле грозной брани,  
Чтоб ею обагрился меч.  
Ей нужен страшный выход — рана,  
Чтоб доблестной струей истечь...

209



. . . . .  
В ночи живее чувство Бога.  
Когда бы мог надземный мрак  
Кромешней сделаться немного,  
То, может, человека зрак

За первозданной узрел тьмою  
Единый первозданный свет...  
Но кто любит луну,  
Тот думает, что Бога нет.

. . . . .  
Могущие дневные силы  
Ничто пред слабостью ночной.  
Все присносущие светила  
Не стоят темноты одной.

. . . . .  
13

### Согласье

О, старец, дряхлая глава  
Твоя трясется в знак согласья  
На смерть... Кивок, что зрим едва,  
Страшней, чем ужас, слышный в гласе...

С какою силой неживой,  
Изжелта-высохший и голый,  
Нам повторяет череп твой  
Свои безвласые глаголы...

210

### Топор

Все обостряющимся слухом  
И сквозь скрипение пера  
Я слышу отдаленно глухо  
Звук рубящего топора...

Как страшен сей топор стучащий,—  
Он дивный вырубает век...  
Еще в классические чаши  
Гулять приходит человек,

И зрит могучих исполинов,  
Несокрушимых до сих пор,  
Хотя в тени столетне-длинной  
Блестит таинственный топор,

Что все написанное нами  
Хотел бы, как мильон голов,  
Срубить... Но в небеса корнями  
Ушли леса высоких слов...

А на земле одни лишь ветки  
Цветут, трепещут, тень дают,  
И строки, словно птицы в клетке,  
Столь зримо-сладостно поют...

### Свеча

Поддерживающая храм  
Божественного Аполлона  
Ты потухаешь по утрам,  
Понизившаяся колонна...

. . . . .  
О, вечер мировых руин...  
Работать и молиться надо...  
И воздвигает стеарин  
Возжегшуюся колоннаду...

16

### Ли́ра

Что лира? Понял я — скелет.  
Но как любовницу младую  
Ее боготворит поэт,  
Уродливую и худую.

Касается ее костей  
Неизменяющей рукою,  
И скрежетом ее страстей  
Он миру не дает покоя...

17

### Бессонница

Течение ночи гробовой.  
Ее кромешное молчанье  
Не заглушает адский вой  
И ангельское величанье,

И мрака плотная стена,  
Воздвигнутая меж землею  
И небом, смертному видна,  
Еще окутанному мглою...

212

Даю тебе благой совет —  
Разверзшейся страшися бездны,  
Но электрический твой свет  
Да не обидит хаос звездный,

Зане лишь скромная свеча,  
Что делается все короче,  
В простом подсвечнике торча,  
Присуща величавой ночи...

Кому не спится, пусть лежит,  
Пусть голову на пол-аршина  
Не поднимает... Сон бежит  
На недоступные вершины,

Надолго покидая нас...  
Пространства вечные не мерьте,  
Не мучьте воспаленных глаз,—  
Бессонница — почти бессмертье...

Рассвет далек, еще далек,  
Земное угнетает бремя,  
И тот, кто юношею лег,  
Наутро встанет стар, как Время...

18

### Стихотворение

Пером гусиным и великим,  
Преостро очинив его,  
Пишу... Скрип, сладостней музыки,  
У сердца слышен моего.

Присев к столу в ночной сорочке,  
Спадающей до самых пят,  
Без усталы тружусь над строчкой.  
Какая тишина... Все спят...

213

Страницу, словно белый камень, —  
Неизреченное — для плит, —  
Граню... Горячая, как пламень,  
Слеза ее испепелит.

О, тратится усилий столько  
На каждый из таких камней.  
Бумажные летят осколки  
И падают на стол ко мне.

Неторопливо и негрубо  
Я не перестаю чертить,  
Чтобы ямбический обрубок  
Явил чудесные черты.

Продлится до глубокой ночи  
Мой каторжно-свободный труд,  
Пока мозолистый веночек  
Гармонии слегка натрут.

И все ж благословляет иго  
Душа: она под ним жила  
И будет жить... Большая книга  
Всегда бывает тяжела.

Но перья вещие крылаты,  
Они летят из смертных рук,  
Из судорожно-крепко сжатых,  
И лирный замирает звук...

19

### Песня казака

Казак поет в Трокадеро  
Унылую степную песню —  
Безрадостно, тяжеловесно  
Несет плакучее ведро...

Его не расплескай, смотри,  
Чужого не губи народа —  
Вы мертвую несете воду,  
О, русские богатыри...

Свершилось. Голосом отцов  
Поет в враждебном стане воин...  
Будь, что скала, — челом спокоен  
Над бушеванием венцов.

Как воду далеко берут —  
Не у себя, а на чужбине,  
За морем черным, морем синим,  
За океан — и то идут...

Не будет предано земле  
Все то, все то, что затонуло...  
Адмиралтейская блеснула  
Игла молниевидно в мгле...

А труб органных газыри —  
Подобие водопровода —  
Громами подпирают своды, —  
Готические кобзари.

20

### Песня сапожника

Сапожник, поющий над старой подметкой,  
Над новопоставленною замолчит...  
Есть люди с прекрасной и светлой походкой,  
Но песня сапожника вновь зазвучит...

Над мертвыми тяжело лежащие камни,  
Живых и до смерти идущих людей  
Выдерживают... О, да будет легка мне  
Одна из пустых, неземных площадей...

215

Отраднo лежать там, где люди не ходят,  
Где боговнимаемая тишина,  
Где самые низкие мрачные своды —  
Лазурно-сияющая вышина...

Шаги над землею звучны, как проклятья,  
Не песне сапожника их заглушить...  
Как знать, что страшнее — безногих объятья  
Иль новую обувь безрукому шить.

Хранители-ангелы дивно безруки,  
А ноги имеют, имея крыла.  
Калека ползет на святые поруки.  
Летит, но — увы — не летает стрела.

Недвижим, ты думаешь, камень могильный, —  
Он более зыбок, чем в лавке весы.  
Травую поросший, он — камень точильный,  
И для на него же нашедшей косы...

Отныне нужнее, дороже Шекспира  
Нам бедные Писарева сапоги.  
Им, кашу просящим средь райского пира,  
Поющий сапожник несет пироги...

21

### Линотипный орган

Вадиму Андрееву

Органом линотипным раскален  
Свинец прелюдий...  
Ты ночью набираешь то, что днем  
Читают люди.

216

Мильон машин... Все сладостно скрипит  
Перо гусыни,  
Все лампа песнопения коптит —  
Снег керосина...

Когда ты набираешь слово звук,  
Где эхо звука?  
Так дело крыльев стало делом рук,  
А песни — стука.

Здесь, под твоей бесстрастной рукой  
Равны все строки,  
И кровь, и кровь, сама текла б строкой  
Красно-широкой.

И ты глядишь, как сочетается твердь  
В едином миге,  
Как от поэта отвращает смерть —  
Рожденье книги...

Пред свиньями наборы рассыпать,  
Метать не надо —  
Под чтение привыкло засыпать  
Людское стадо.

Спи, стадо, спи. Твой беспробудный сон,  
Тяжкоутробный,—  
И близок час, когда сольется он  
Со сном загробным.

О, всматриваясь долго в тишину  
Прочтете звук вы.  
В огромную уходят вышину  
Большие буквы.

Доходит Н до голубых небес,  
И Б до Бога,  
И Л превыше, чем угрюмый лес,  
А П — порога.



Как упоительно звучит вокруг  
Свинец прелюдий —  
Вновь делом крыльев стало дело рук,  
И вечным будет.

Запечатлеет буквенный минор  
Мажор бумаги,  
Но пыль старинная, о юный взор,  
Бойтся влаги...

Заглавье ночи — «Розовый Рассвет»,  
Но у рассвета  
Заглавья темногубого нет...  
Начало это.

Чего?.. Как странно предвещает день  
Конец работы,  
И утомленная ложится тень  
Лучом заботы.

Но что же делать: начинает грусть  
Свое служенье,—  
Тому, что смертный знает наизусть,  
Нет продолженья.

Поверь: поэзии ты послужил,  
Набравши прозу,  
И тайну, что слегка я приоткрыл,  
Прими, как розу.

Ты возвратился. Спишь глубоким сном,  
И он — свинцовый,  
И пробуждаешься не новым днем  
Для ночи новой...

## Скорь 2 — Утешь 4

## Поэма

О, пешкой белоснежной  
В какой лежу руке,  
Лежу в каком над бездной  
Незримом кулаке.

В Твоей, Твоей деснице...  
И вот уже стою,  
И вот уже теснится  
Душа моя в строю.

Разжав кулак над бездной,  
Десницу Ты простиер...  
Средь братьев белоснежных  
Не вижу я сестер.

О поле, — ты из древа,  
Не из земли сырой.  
Сия не может Дева  
Быть смертного сестрой.

Так сотворил напильник —  
Не тело, не душа,  
Летит богиня сильных  
Ко слабому спеша.

Не телом, не душою  
Ко слабому летит,  
Стопою небольшою  
Больших касаясь плит.

Но на квадратном месте  
Два круглые бойца  
Стоять не могут вместе,  
Им тесно без конца...

\*

С пространством безвоздушным  
Дыхание мешать  
И пленником послушным  
Решеткою дышать...

\*

Для слуха или зренья  
Осеннего листа  
Златистое паденье,  
Сомкнувшее уста...

Как в статуи нагие  
Одетые сады,  
Фигуры дорогие,  
Глядящие в пруды...

Над шахматами осень  
Всегда царит, всегда,  
И шум унылый сосен,  
И серая вода...

Как всеблагие боги,  
Идущие на пир,  
Вдруг встали вдоль дороги,  
И вдаль уходит мир...

Для зренья или слуха  
Падение листа,  
Что населяет глухо  
Пустынные места...

Увядшее шуршанье —  
Музыка наготы...  
И под романс свиданья  
Падешь к ногам и ты...

И над турой, над урной,  
Лазурна вышина,  
И пушкою безбурной  
Хранима тишина...

\*

Челн 5 на волны 8...  
И выше всех утрат,  
Мы арфою возносим  
Белеющий квадрат...

\*

Паркет Екатерины  
Столь шахматно блестит...  
Среди зеркал старинных  
Ее красе он льстит.

Но не красе телесной,  
А тайной той красе,  
Что прячется, безвестна,  
И затмевает все...

Мемории ли пишет —  
Она в него глядит:  
Глубоко ль разум дышит,—  
Задумчиво следит...

И, ежели захочет  
Понять глагол тиши,  
Она опустит очи  
И зрит паркет души...

Иль гнев обуревает —  
На радугу внизу  
Роняет, разрывает  
Бумажную грозу...

Когда приходит время  
Державного труда,  
Правительственно бремя  
Он делит с ней всегда.

Ногою самовластной  
Играет сей паркет —  
Богиней сладострастной  
Владеющий аскет.

Сквозь эха амфиладу  
Величественных зал,  
Где слово колоннада  
Вторично Грек сказал,

Где окна выше двери,  
Где двери выше всех,  
Она идет, поверив,  
Что горностаи есть мех...

И с ней идет в закате  
Всходящий фаворит,  
И перьями квадратов  
Паркет под ней скрипит...

Чернила разливает  
Чернильниц восковых,  
И запечатлевает  
Восшествий роковых

Следы, о коих пишет  
Потомству пыльный том,  
По коим только мыши  
Одни бегут потом...

Но сладостнее пенья  
Италии певцов  
Алмазное скрипенье  
Ее ноги писцов, —

Из перьев многославлен  
Хвалебный ей венок,  
И солнце, что Державин,  
Лежит у царских ног,

И строфами златыми,  
Сребристыми в ночи,  
Потоками густыми  
Через стекло текут лучи...

Самодержавным шагом  
Державная жена  
Идет, ареопагом  
Любви окружена...

Ко письменному ложу  
Владычица страстей...  
Ее лицо моложе  
Бессмертия вестей.

Рабынею бесстрастной  
Ко царственным трудам...  
Где яблочек беспристрастный?  
Парисом стал Адам...

Мужи суровой славы  
В сердца поражены  
Ей отдают по праву  
Победный плод войны.

И перьями квадратов  
Паркет под ней скрипит,  
Что перьями трактатов  
Он власть ее скрепит...

\*

Повисли в Эрмитаже,  
Натягивая шнур,  
Прекрасные пейзажи  
Без шахматных фигур...

\*

Из света отступая,  
Иль покидая свет,  
Дорогу уступая,  
Не уступай свой След.

Гармонию вы мерьте  
И криком пастухов.  
Придете ко бессмертью  
Лишь по стопам стихов.

Ничем не истребимый,  
Когда навек уйду,  
Тебя, мой След любимый,  
Тебя я подожду...

\*

Премудрые ходули  
Безногого ума.  
Многоквдратный улей,  
Где соты — свет и тьма.

\*

Древесная равнина,  
И слышим топот мы —  
Древесною кониной  
Накормлены умы.

Мы оттого так стойки,  
Хоть нет слабей меня —  
Пути волшебной тройки  
У каждого коня.

И бархатным копытом  
Подкованный свинец  
По трем несется плитам,  
Четвертая — конец.

Налево иль направо,  
Но прямо на меня,  
Тремя путями правя  
Единого коня...

\*

Содом — столица Соли,  
А Петербург — Мечты.  
Столица шахмат — Поле.  
В них жил, в них умер ты.

\*

Квадраты Арлекина —  
И побежден Пьерро.  
Но что, но что накинута  
На слабое перо?

Возьму квадрат бумаги,  
Зане он чисто-бел.  
Перо полно отваги,  
Я тайно оробел.

Как жалкая надежда,  
Пьерро, как смерть бледна,  
Твоя бледна одежда,  
И радостью бедна.



Играют жизни краски  
На нем, не на тебе,  
И получереп маски  
Смешон молодой судьбе.

Квадраты Арлекина —  
Побеждена Любовь.  
Чернила то покину,  
То возвращаюсь вновь

К источнику блаженства  
И муки острия,—  
В пустыне совершенства  
Оазис бытия.

\*

Скорбь 2 на вздох 4,  
На образ голубой...  
Я в шахматы на лире  
Играю сам с собой.

\*

Начертанная fuga  
Из света и теней,  
И два внимают друга,  
И два молчанья в ней...

Все меньше, меньше клавиш,  
Все меньше под рукой...  
Не *ты* молчать заставишь —  
Нарушен *весь* покой...

\*

Ты мною не играешь.  
Идя к Тебе, умру.  
Увы, Ты выбираешь  
Во трауре игру...

\*

Святая Иоанна!  
За короля — вперед.  
Но вместо Орлеана  
Бастилию берет.

О мать Свободы, — Дева,  
И Равенства отцов,  
И Братства... Чрево, чрево,  
Трех дивных близнецов

Ты, девственное, носишь  
И триединый плод  
Любви ты превозносишь,  
Любви к Тебе, Народ.

. . . . .

Удержит исполина  
В своих руках ужель...  
Качает гильотина  
Террора колыбель.

О, колыбель хромая!  
Ее одна Коса,  
Над твердью поднимая,  
Баюкает... Роса.

Всех раньше на рассвете  
С Росой грозно встал  
Над деревом столетий  
Мгновения металл.

Что схожено с престола  
Бессильным королем,  
Не вырубить тяжелым  
И грубым топором.

И вновь хрым размахом  
Подъемлетя Косой,  
Баюкающий плаху,  
Поднявшийя с Росой...

. . . . .

Но вызываает ревность  
Народная любовь.  
Не Марсову ли древность  
Припоминает Кровь...

И вот возник соперник,  
Исполненный Войной.  
Он, как второй Коперник,  
Вращает шар земной.

Скрипящей осью ржавой  
Стенающую брань...  
И треугольноглавый  
Меча переходит грань...

. . . . .

Гражданства треугольник  
Немало снес голов,  
Но шляпы сей невольник  
Свершит иной улов.

Гражданство обезглавит  
Он шляпою своей,  
Себе служить заставит  
И сам послужит ей.

И над ножа уклоном  
Воздвиглась и взошла  
Суконным небосклоном  
Победного орла...

. . . . .  
Что для других молитва  
И сладостней всего,  
То для нее есть битва...  
Что битва для него?

Что... Пира заключенье  
Чрез чашу грубых сил.  
От мира отлученье  
Кто Церковь попросил...

Что для других есть сладость  
Мольбы у алтарей —  
Воинственная радость  
Господних дочерей.

Что для него есть поле —  
Сражение травы, —  
Враждебное все боле  
Полянам синева.

. . . . .  
Над Девою народной  
Победа не быстра.  
Его сюртук походный, —  
Что пепел от костра.

Рукою смелой, кроткой,  
Презревшею перо,  
Перебирает четки —  
За ядрами ядро.

Молитва за молитвой  
Летит в враждебный стан,  
И заглушает битву  
Ликующий орган.

Цветов Господне знамя  
Коледлет ветерок.  
Над мертвыми сынами  
Победный мотылек.

Невинность охраняет  
Бунтующую кровь.  
Мужи не сохраняют  
Народную любовь.

. . . . .

Когда ослабла сила,  
Подобная струне,  
Она его спросила:  
На чьей ты стороне?..

На той — он ей ответил, —  
Куда ползет туман,  
На той, где вечно светел  
Угрюмый океан...

О, английских два плена,  
Великих два бойца,  
На облаках Елены,  
На острове Творца...

. . . . .

Республика пытается  
Грядущую судьбу,  
И башня вырастает  
В фабричную трубу.

Промышленные туры  
В предместьях стоят  
И знамя диктатуры  
В густом дыму таят...

. . . . .  
Кафе уж запирают  
И дождик моросит...  
Здесь в шахматы играют, —  
Стена провозгласит...  
. . . . .

23

«Относится сей парус к пароходу,  
Как к моему относится твой век...  
Божественно-хромающие воды  
Тебя уносят стройно, человек, —

И, на чужую сторону хромая,  
Родною выпрямляют дивный звук,  
И ровно плещет Линия прямая,  
Единая и многая разлук...»

24

Я был в тот день исполнен всякой скверны,  
Но отчего, когда я был убог,  
Я слышал голос рифмы суеверной,  
Твердивший мне — порог, дорог, строг, Бог...

Но днесь, когда я стал опять немного  
Похож на звук божественных стихов,  
Не нахожу я в небе рифмы Бога  
Для сладостной гармонии богов...

Да, Червь, что точит наши силы  
 Есть Червь блаженства и любви...  
 Сей Червь ползет из сердца милой  
 И ты его благослови...

И только те, что предаются  
 Терзанью дивному Червя,  
 Одни достойно назовутся  
 Любовниками бытия...

Под гром земли Разлука на балу  
 Дает Любви — улы — свое согласие...  
 И, раздувая страшную золу,  
 Танцует вулканическое счастье...

То кратером ему разрешено  
 Кружиться бабочкою своевольной,  
 И, лавою пока не сожжено,  
 Танцует счастье хорошо, невольно...

Еще летит, еще летит пешком  
 Любовь на ложе под Столы блаженства,  
 С которых крошки падают мешком,  
 Наполненным Пирами совершенства...

Все это нам, все это нам... Устами  
 Мы припадаем с криком торжества,  
 И чистыми касаемся перстами,  
 И утоляем голод божества...

## [Из четверостиший о снеге]

Когда ложится в снег и в мире все далече,  
 Нет никого, хотя бесчисленны следы,—  
 Час настает, чтобы приняться за труды,  
 Которые закончат будущего свечи.

\*

Как жалобу, как самоутешенье,  
 Опять пишу стихи о снеге я...  
 Огонь горит без жертвоприношенья,  
 Есть жертвоприношенья без огня.

\*

Все гуще снег идет и хлопья возрастают,  
 И высота ступенек глубиной крыльца  
 Уж стала... Белизна все более густая  
 Ложится на свое паденье без конца.

\*

Сперва — пейзаж. Затем в твоих руках  
 Он превратился в снежную фигуру,  
 Потом ее ты обращаешь в прах...  
 И вновь — пейзаж. И вновь творишь Лауру.

\*

И вечер, как в деревне, наступил  
 В подбитой горностаеями столице —  
 Из графских труб — тае-дымок струится,  
 Среди сосулук — то-ись — Божьих пил.



\*

С лицом иссиня-бледным молодой босяк  
Державную в морозном блеске сотку  
Держал и бил ее ладонью так и сяк,  
И выбил пробку — с звуком залпа — в глотку.

\*

Морозный день. Старик Венецианов  
Живописует в теплой мастерской.  
И стыд прикрыла голая Ульяна  
Своею недописанной рукой.

\*

Скамья накрыта снегом, словно стол.  
Над ней шумит, чернеет пир вороний.  
И вдруг Толстой в мой юный сон вошел  
И мне сказал: «А крошки кто уронит...»

\*

Беседка, как альбом, полураскрыта в парке.  
В него то осень впишет золотистый лист,  
То лето росчерк молний яростный и яркий,  
И вот зима вписала блеск. И он лучист...

\*

В отряд я поздно вечером приехал,  
И доктор сразу стал меня лечить  
От мысли той, что женщины с успехом  
Могли б зимой нас горячей любить.

\*

Какая вышла!... Наглая, большая,  
С обтянутой бесстыдностью бедра,  
И в номер бани я вошел, вкушая  
Тот пар, в котором простыни дыра.

x

x

x

Кодэ ладзіся снег і в мірэ вёі дэлега —  
.леф нікого хопз бесгнелны следы —  
Гэс нэсфел, гробн. прычыся за нуды,  
Кяфры законтат будучыя свечы..

x

x

x

Кяк фалюбу, кяк самоушешне  
Опты пишу сфухы і снега з...  
Огоні гонят без фэфвоп/уношешнз...  
Есть фэфвоп/уношешне без огнз...

Автограф Б. Божнева (см. стр. 233).

x  
x x

И везет как в деревке наступил.  
В подбитой горностоящей станице —  
Из графских фуб — фэе — дымок стучится  
Среди сосулек — ф-исе — бэфих пил...

^  
x ^

С лицом иссиня-бледным молодой босак  
Дефавкуну в морозном блеске софку  
Дефэл, и бин ее ладоню фэж и сак,  
И вышиб пробку — с звуком заппа — в лотку.

Автограф Б. Божнева (см. стр. 233-234).

\*

Свистела площадь. Стелющийся свист  
Свивался в извиваниях змеистых,  
В струистых набеганиях серебристых  
Скользя по льду, что стал кромешно-чист.

\*

Лицо в платке казалось грусти складом  
И где аршин улыбки никогда  
Не меряет печальную усладу...  
«Дрожите Вы — Вы так озябли?» — «Да...»

29

Прекрасный пурпур сей несокрушим,  
И лбами пурпура богини  
Свод держат, что для смертного незрим  
И что не может быть не синим...

30

### Дорогому Спату

Истошный вой завистников моих,  
Трусливый подхолуйства трепет —  
И совершенье замыслов благих  
Под Музы величавый лепет.

Борис Божнев,  
Хранитель Русской Лиры

## Сияет Бог со свечкой за душой

Бог верит в елке, в каждой верит ветке,  
И верит больше в ветке небольшой.  
И в похудевшей ветке, в иглах редких  
Сияет Бог со свечкой за душой.

Бог верит в елке, в каждой верит елке,  
И больше в елке малой верит Бог.  
И елка вырастает втихомолку,  
Чтобы Он меньше верить в ней не мог.

Со свечкой ветки — высшие ступени.  
Без свечки ветка — высь, но не ступень.  
Сияет Бог. Высь достигает тени  
И есть недосягаемая тень.

И свечки стали пнями восковыми  
В пахучести темнеющих ветвей.  
Не хочет Бог один сиять меж ними  
И меркнет с задуванием свечей.

И меркнет Бог, чтоб тень Его достигла,  
Но есть недосягаемая тень.  
Пахучей ветки осыпает иглы  
Оплывший высью догоревший пень.

И ветвь темна под пнями восковыми.  
И ветвь темна без воскового пня.  
Не хочет Бог сиять один меж ними  
И меркнет с задуванием огня.

Но елку темнота не омрачает,  
Не гаснет вера в темноте ветвей,  
И в иглах мрак терновник излучает,  
И в иглах мрак в терновнике лучей.

Угасла высь, оплывшая неровно,  
И меркнет Бог без свечки за душой,  
И в иглах мрак хранит лучей терновник,  
И в иглах излучит терновник свой.

32

**Стихи к рождественской открытке**

Были ли люди счастливей?  
Были — мы их ведь берем  
Под руку, — неторопливей  
С ними молиться идем...

Снег, что блестит на открытке,  
Глубже, все глубже лежит  
В мерцающем пережитке,  
Что счастьем для нас пережит...

23.XII.54

33

**И. И. Бецкий**

Были в бархате, в шелку и в кружевах, —  
Но совсем не женственны мужчины...  
В утреннем шляфроке — без причины —  
Он задумался — держа прожект в веках...

34

Не ведаю, чем правил сей вельможа,  
Но раз его портрет Левицкий написал —  
То значит — он на власть свою похожим,  
На росчерк духа своего похожим стал...

Я Вас благодарю за Ваши книги.  
 Не вечно цепи будут крепче Уз  
 Бессмертия связующие Муз  
 С душой, празднующею свои вериги.

[Г. Спату]

Четвертый час... и пятый час утра...  
 Я все не сплю. Пишу посланье Спату.  
 Вернулся друг... Так отчего ж остра  
 Боль возвращенья, словно боль утраты...

Светает... иль ушедший брезжит день  
 Ясней того, что нынче светлым будет...  
 Забвенья нет — ведь незабвенна тень,  
 Которая прощает, а не судит...

[Анне Присмановой]

Опять нет сна... И грудь стихом объята...  
 Под сердцем словно существо стучит —  
 Стих — существо — бессмертия зачаток —  
 Что жизнь мою грядущему вручит...

**Чтоб дольше сна продлилось пробужденье**

*Поэма*

Между последнею — и первою — любовью  
 Есть парк — и в нем — глубокий грустный снег  
 С последних охлаждений первым славословьем,  
 С сиянием последним светлых первых нег...

Как тихо... Вкруг меня молчание двойное —  
 Я нарушаю сон — не нарушая снов...  
 И более, чем мраком, скрыто белизною  
 Все то, что сокрывает блещущий покров.

Я медленно иду любимую аллеей...  
 Глубокой белизны сияющий нажим  
 Подчеркивает Узы, ставшие светлее,  
 С которыми союз души нерасторжим.

Души нерасторжимы сладостные Узы  
 С сияющим нажимом белизны аллей.  
 Бессмертные следы запечатлелись Музы,  
 И рядом с ними Эллины следы светлей...

Божественных и мраморных калек  
 Воздеты члены вечности отбитой,  
 И в роге изобилья — скудный снег.  
 Все гармоничным хаосом покрыто.

И, вслушиваясь в то, чему молчанье внимлет,  
 Во спящей белизне то бодрствует покой,  
 То белизна в покое беспробудном дремлет,  
 А то впадают оба в сон глубокий свой...



Стволы деревьев дальше, чем Природа,  
И все одной как будто вышины.  
Беременеющих сугробов роды —  
Рожденье мертвенное тишины.

И смерть ли это жизнь, что пеленает,  
Жизнь мертвенную ль пеленает твердь,  
Но если есть, наверно, жизнь Иная,  
То, может быть, есть и Иная смерть.

И дух средь белоснежного Эреба  
Вдруг потрясен сим адом без огней.  
... А вот скамья — полусокрыта небом —  
И вечно будешь ты идти пред ней.

Пройти скамью, что вся покрыта снегом,  
Нельзя: она длиннее зимних дней  
И бесконечней той, июльской, неги.  
И вечно будешь ты идти пред ней...

Аллея вся в снегу — вне Времени — неточна,  
С нажимом белизны сияющий изгиб.  
Мне кажется она поэмой междустрочной  
Или она Потоп, что спас, а сам погиб.

Я медленно иду, но все ж скорей, чем Время.  
Погиб Потоп... И кто его теперь спасет...  
Гармонию или хаос в сем Эдеме —  
Что между строк моих потомок мой прочтет?

Аллея то длинней, чем Время, то короче...  
И дужки по бокам под снегом чуть видны,  
Как паузы, которые снег оторочил,  
Как паузы сверкающие тишины.

В Потопе, что погиб, иду — и отрясаю  
От веток беспробудных забытье,  
И слабых плеч моих соломинка кося  
Удерживает Лиры бытие...

Вокруг волшебно все — но все же так обычно.  
Все сказочно — но все правдиво до конца.  
Обыденно что было, — стало феерично,  
Ступени стали выше своего крыльца.

О, более, чем в мраке, — в снежной белизне  
Глубоких тайн скрывается — нам зримых...  
О, кроется, — но не в сердечной кривизне,  
А в прямоте души — кумир несотворимый.

И не Потоп погибший я спасаю,  
А ветку вербы, благовесть ее.  
В плечах моих соломинка косая  
Удерживает Лиры бытие.

И дух средь белоснежного Эреба  
Вновь потрясен сим адом без огней.  
Рай, ниспадая гармонично с неба,  
Стал хаосом гармонии своей.

Чрез прошлого порог уж перешли ступени,  
И вместе с ними я войти в беседку смог,—  
В беседку, что построена из разрушений.  
Уж перешли ступени прошлого порог...

Ветшающее с каждым годом разрушенье  
Остановившееся Время длит и длит,  
И скромною каймою, пышным украшеньем,  
Остановившееся Время снег белит.

И дальше свой порог снег за собой уносит,  
Туда уносит за собою свой порог,  
Где в нише статуя безрукая возносит  
Обломок изобилия — отбитый рог.

Или туда, где все отмеченное роком  
В овалы заключив своих тугих орбит,  
Другая статуя отображает оком  
То безучастье, что божественно скорбит.

Приникла к небу зимняя Природа,  
И все стволы в пробелах тишины.  
Сучки волшебным инеем обводят  
Сверкающее эхо белизны.

И ниточки, как иглы твердые, сверкают,—  
Как иглы, в коих скрыты искорок стога, —  
И искорки сверкания ту синьку испускают,  
Тот чудный светик синьки, что белит снега.

И ниточка сверканья с искоркою синей,  
И искорки посыпались из синих сит,  
И белизна блестит мерцаниями синек...  
На ниточке сверканья искорка висит.

Все меркнет вновь — как будто задувает  
Морозный день сверканье свое.  
Есть дни, в которых ночи пребывают,  
Есть дни, — в них спит земное бытие.

Молчание сверкающих сугробов  
Средь тишины глубокой пелены,  
И каждый ствол как бы исшел из гроба,  
В котором смерти дни уж сочтены.

И смерть ли это жизнь, что пеленает,  
Жизнь мертвенную ль пеленает твердь,  
Но, если есть, наверно, жизнь Иная,  
То, может быть, есть и Иная смерть...

. . . . .  
. . . . .

Исчезли аромат и пенье птиц, и краски,  
И ароматом стал прегорький добрый дым.  
Замаской стали краски, пенье птичьё — в сказке...  
Так отчего ж все дольше мы на мир глядим?

Мы видим: почит все зримое — в покое,  
Незримое — не спит и бодрствует светло...  
Но что не пробудимо силой никакой:  
Уснувшее ль добро, неспящее ли зло?

А сколь немного теперь мы в мире видим:  
Сарай, плетень... иль дым, что костылем идет.  
Но дивно Тайное мы чуем и предвидим  
И по заслугам нам Оно уж воздает.

Деянье тем добрей, чем воздаянье строже.  
Рогожу словно ризы серебрит мороз.  
Все сделалось родным и с ними стало схоже.  
В отцовской старой шапке мальчик вдруг возрос.

Где пенье птиц с цветов сливалось ароматом,  
Где ручеек журчал меж пальцев детских ног,  
Теперь сурово все и кажется расплатой  
За каждого цветка не каждый лепесток.

О, нет, уже не песнь мы слушаем, а повесть  
Читаем наших Чувств, Надежд, Ошибок, Грез,  
И если этот мир белей, чем наша совесть,  
Он холоднее, но не горше наших слез.

Не песнь, не песнь слышна — закончен труд Природы,  
И зимний воздух тих, и мы в его тиши,  
Себе закрыв глаза руками хоровода,  
Читаем повесть чувств, безумных грез души.

Летели где мгновенья, в коих Бесконечность  
С Беспечностью неслись вперед... вперед... вперед...—  
Там — в темном тупике — Путь еле брежит Млечный,  
Пустая конура безлюдность стережет.

Не песнь, не песнь слышна, а топора то звуки:  
Лед рубит в бочке Диогеныч-водовоз,  
И хоровода разомкнувшиеся руки  
Отводим мы от вежд, очнувшихся от грез.

По эту сторону, облита лунным светом,  
Мерцает, ворожит иная сторона,  
Распластаны замерзшие воды скелеты,  
Веревка туго натянулась, как струна.

И под струной веревки видим, что в утратах,—  
Мы видим ли забвенья наступивший срок  
Или находим незабвенную расплату,—  
Не каждого цветка за каждый лепесток.

Как будто стал чуть-чуть короче коридор  
С тех пор, как стали дни немного подлиннее...  
Еще исполнен парк безмолвия. Но двор  
Вновь зазвучал бодрее, гулче и сильнее.

И каждый звук свободой отдает.  
Хотя еще окована Природа,  
И пленник, словно эхо, отдает  
Свой пленный дух звучаниям свободы.

Зиме уж стукнул первый молоток.  
Довольно ей пилить пилой беззубой  
Младое древо... Как яиц желток  
Разбившихся, моча замерзла грубо.

И добрый пес — сего желтка Шардэн —  
Барахтался в снегу с нырками лая.  
Не больше дров — но менее полен, —  
Хоть печь еще, как ад в раю, пылает.

В волшебный охлажденный хмель открылась даль,  
Которую лишь форточки приотворяли,  
И углубляет звук совсем вблизи педаль,—  
Но музыка звучит все дальше от рояля,

Как будто бы звучит сама — там — по себе  
И до того, что здесь осталось, — нет ей дела...  
И что ей до того, что прыщик на губе,  
И что ей до щеки, что очень похудела...

Совсем не так, как прежде, кутает платок  
Над связкою ключей замкнувшиеся плечи.  
Еще безмолвен парк, еще глубок мосток,  
Но статуя простерла жест высокоречья.

И раньше лампа всех сближала в свой кружок,  
Теперь от ореола лампы отходили,  
Как будто свет другой их звал, иной ожог,  
С трагической маской в сторону идиллий.

И кто хождением долгим угол накопил,  
Тот чувствовал, что все ненужно — дозареза,  
И мертвенною бледностью Шопен коптил,  
И копоть ниспадала траурным диззом.

И плед с ногами забирался на диван,—  
Уютнейший пра-пра-диван с пра-пра-пружиной,  
Которая терзает тела половину,—  
Чтоб душу погрузить в Нирвану из Нирван...

. . . . .  
И словно сделалось гораздо больше комнат,  
Хоть слишком мало было их зимой...  
«Куда девался сак?» — никто не может вспомнить,  
А ищут все Кумир Волшебный свой.

«Мне кажется, его я положила...»  
Но кто на бисерный глядит какой-то сак,  
Кто слушает Бавкиду-старожила,  
Что Филемона ставила всегда впросак.

Стремятся все к Волшебному Кумиру,  
Но двигаются словно бы во сне,  
Который сон есть пробуждение мира...  
«Не видела!» — подчеркивая «не».

И высится в огромной медной вазе  
Оазис пальмы тощей, как плюмаж,  
И сей оазис создавал не сразу  
Пустынею исполненный мираж.

Весь день, как неприкаянные, бродят,  
А медь в свое окошечко глядит  
На отражение человека вроде,  
Который за собою не следит.

И медь в свое окошечко взирает,  
Как отраженья движется волчок,  
Кругами человека забирая,  
И как закручивается толчок.

И как толчок все делается туже,  
И человек воронкою кругов  
Затягивается все уже, уже...  
И слышно отражение шагов.

И грация выходит из движенья,  
Что стройностью из талии растет,  
И в талию уходит отраженье,  
Которое из талии растет.

И женщина по комнате проходит,  
Не находя Кумир Волшебный свой,  
И в медное сверкание уходит  
Начищенной тропинкой меловой.

И в талию уходит отраженье,  
Что стройностью из талии растет,  
Как грация выходит из движенья,  
Которое из грации идет.

Вновь не звучало ничего... не шелестело...  
Лишь, словно к дуновениям касалась даль,  
Хрусталь слегка дрожал и дрожь его блестела.  
Во вздрагиваниях своих дрожал хрусталь.

И медленно хладел натопленный уют,  
И дни куда длинней короткой хворостины,  
Но словно бы не движутся, хотя идут —  
Имеет лед свою таинственную тину.

Победность грез во всем уже видна  
И всем она мечтательно владеет —  
И оттого-то жизнь еще бедна,  
И оттого еще сильны злодеи.

Души недомогоанье сладостное бредит,  
Но обихода ход тяжел, всех истомив...  
Обедают, — но привкус Времени в обеде, —  
А ты, язык, ты дивный предвкушаешь миф.

И этот привкус Времени во всем, — он зимний,  
Он ватный... не от стрел он отстает, — от спиц.  
А ты, язык, уж неги предвкушаешь гимны,  
Перед которой боги припадают ниц.

Но вот облобызал кисель подол салфеток,  
И каждый пищей духа заниматься рад...  
«Ты — приложенье к Фету, приложенье к Фету», —  
Сестре шуточно-нежно повторяет брат.

Чем тела — явственней ее души сложенье —  
Что никогда не станет кривизной, —  
И умиляет брата к Фету приложенье  
Своею трогательно-слабою спиной.



Хоть эта беззащитность больше не ребенка —  
Зверей ведь растерзает в будущих мехах, —  
И в волосах ее уж женственна гребенка:  
Нет ничего быстрее женских черепах.

Свершается всегда меж делом и бездельем  
Душевный главный труд, важнейший труд души.  
Она была меж Демоном и меж ущельем,  
Была меж чистотой и тем, что грех свершит...

Свершается всегда меж делом и бездельем  
Души скучнейший труд, нуднейший труд души.  
Она была меж ложкою и вермишелью,  
Была меж «ну, скорее» и «не так спешите»...

Свершается всегда меж грустью и весельем  
Морозный труд души, души пурговый труд.  
Была меж колокольчиками и метелью,  
Меж волком и тем голодом, который лют...

Свершается всегда меж грустью и весельем  
Тенистый труд души, души лазурный труд.  
Она была меж кисеею и качелью,  
Баюкаясь меж тем, что негою зовут...

Свершается всегда меж грустью и весельем  
Глубокий труд души, души нежнейший труд.  
Меж бурей чувств была и той блаженной мелью,  
С которой чувства — ни блаженство — не сойдут.

И нежный сфинкс грудей ей задает загадку,  
Перед которой боги припадают ниц,  
И приложенье к Фету прячет ту тетрадку,  
В которой столько сердцем вырвано страниц.

И чувствовали все, что близок час урочный,  
Хотя как указать его, как возвестить —  
Капель накапает миллионы капель точно, —  
То исцеление, что не произнести.

И не звучало ничего... не шелестело...  
Но дуновенья ли почувствовала даль —  
Еле дрожал хрусталь, и дрожь его блестела,  
В сверканиях дрожания... темнел... хрусталь...

И делался немного коридор короче,  
Пока слегка длиннее становились дни.  
Тарарара — рояль — тарарара — рокочет,  
Но больше не Шопен, а гаммы лишь одни.

Пока в издании Вольфа ждет Васко де Гама  
Под полотном соленным — с раннего утра —  
Тарарарарара — набегают гаммы —  
Тарарара — бурно — Тарарара...

Тарарарара — погоня за погоней —  
Тарарарарара — гонится Ганон —  
Тарарара — начавшийся при Мак-Магоне  
И не окончившийся — тарарара — гон...

Затем Ганона власть становится вечерней,  
В басовый ключ ключицами заключена,  
И вручена этюдам — тарарара — Черни,  
Тарарарарара — Черни — вручена...

И нисходили к ней — не сразу, понемногу —  
С пречерной этажерки боги клавикорд,  
И стертая педаль, что робко лижет ногу,  
Все длит, и длит, и длит... и длит... аккорд.

Со скромностью невинности еще большой —  
Она наклоном чувства, сдержанности позой,  
Чуть телом выражала... и слегка душой —  
Как сладостно звучит отказанное грезам.

Но вот педаль ей реже ногу лижет,  
И молоточек локона стучит в висок.  
И скерцо все стремительнее нижеет  
Свой блеск на рокот свой слегка наискосок.

И локона стучал в виски ей молоточек,  
И ровный рокот нагонял свой равный плеск,  
Его на сухости нанизывая блеск,  
Что ненанизанною сухостью рокочет.

Но вдруг как загремит восторг объятий гневом  
И потрясается от головы до пят.  
Рукою гневною, как бы свирепым зевом,  
Восторг объят, подъят, разъят, объят, подъят...

И с силой чистоты, лишь юности присущей,  
Всем юным существом — от головы до пят —  
Октав предел брала рукою вездесущей,  
Предел октав, что беспредельностью громят.

Предел гремел, и в гулком гуле глохнул глухо,  
И в гуле возникал — переливался — блеск,  
И резких брызг сухих стремительная сухость  
Летела из-под пальцев, словно блеска плеск.

И пальцы плоским плеском сухость расплеснули,  
И плеск слегка стучал, и плеск легко редел,  
И вновь частил, как град, в хрустальном четком гуле,  
И несся вместе с градом быстроты предел.

Чуть затихал на миг, и вновь как грянет пуще,  
И быстроты предел она стремится вперед,  
Предел брала одной рукою вездесущей,  
Другой рукою град делила на полет.

И то, что всем казалось громоносной залой,  
А для смешливой Луши было «ишь ты, ишь», —  
То было для нее всем тем, что в ней дерзало,  
Той было бездною, в которую летишь.

Впивала пальцы в звуки,— чтобы осязать,  
Или чтоб ими разрывать себя на части,  
Чтоб — вдруг — вполголоса — среди громов — сказать,—  
Как яростно звучит отказанное страсти.

И потрясалась последней силой зала —  
Все выло в волосах, все было на губах,  
И ласки лоскуток увидев, — растерзала!  
И разом резко встала, крышкой хлопнув — бах!..

И, словно эхо, дверь ответила — бабах!..  
Что пяткою своею отшвырнула Луша,  
Как ни учи, — улыбка дури на губах,  
И в голове сквозняк такой, что дом разрушит!

Иные пусть на цыпочках, она — на пятках!  
И головы сквозняк захлопывает дверь!  
Прекрасное — ну просто чучело на грядках,  
Разиня из разинь, тетеря из тетерь!

На Калке битва или скалка над посудой?  
Но миска днесь цела, передник нынче чист,—  
Нет сил бороться! — победителей не судят! —  
Увенчан даже суп — в нем есть лавровый лист!..

... Но дверь тиха другая, вышла — наважденье!  
Затворница, которую нечуткий брат  
Назвал однажды приживалкой привиденья.  
Он звал ее еще — стеклярусом утрат.

Нет в мире ничего черней, чем черный гарус,  
Но все же ухитрялась быть еще черней  
Затворницы накидка, а на ней стеклярус,  
Что копят ночи черные! — для — черных! — дней.

Закон судьбы — две пансионные подруги,  
Когда одна куда бедней другой к тому ж,  
Не зная ничего — лет двадцать — друг о друге,  
Встречаются, когда одну покинет муж.

Вопросы встреч таких сперва лишь восклицанья,  
А восклицания — вопросы без конца,  
Покуда возникают светлые мерцанья  
Померкших черт уже погасшего лица.

Конечно, муж — одно лишь — главное — условие,  
Другое нужно, сердцу боль чтоб причинить,  
Чтоб ясно было, что покинутою кровлей  
Разрушенную жизнь нельзя ведь починить.

Лишь чтоб уже — и ведь огромные частицы —  
«Да что ты! — Боже мой!» — последних мелких крох.  
И приютил сочувствия глубокий вздох  
Воспоминаний и несчастий вереницы.

Сперва по дому ей придумали занятие,  
Для видимости просто... «Я просила Вас...»  
Но ясно было — ни малейшего понятия,  
Как надо говорить, чтоб это был — приказ.

Она в бровей своих приподнятые скобки  
Брала все то, что было сделано не так,  
Но отвернется — смех как прыснет в остолопке,  
Что строит пальцами на лбу своем чердак.

Когда ж ее реформа — для ножей подставки —  
Была отклонена, — для вилок и ножей —  
Единогласно, — то она ушла в отставку  
И заперлась с пасьянсом в комнате своей.

... Гораздо реже, чем пасьянс, она выходит.  
А тут вдруг вышла, встала тихо у дверей  
И слушала — или не слушала скорей, —  
А просто лишь была стеклярусом мелодий.

. . . . .  
Ах, веет дуновение Эдема  
И парк таит незримый дивный брег,  
И на решетке скучной теоремы  
Лежит местами потускневший снег.

Уже не парк — сугробов дивный брег.  
Иду уже неведомой аллеей,  
И снежной ватой каменных калек  
Сердечной раны стон весны лелею.

И на деревья и кусты с волнением смотрю:  
Они мертвы еще, но для меня воскресли.  
Но, как язычник, Божий мир боготворю —  
Нагие статуи — божественные чресла.

Нет сил ни сжать, ни сделать крепче снежный ком...  
Настал тот час, когда грех святотатства — ветку  
Сломать, чтоб сделалась она хворостником,  
Хоть куст еще сквозит, похож скорей на клетку.

Вновь спрашиваешь вдруг: а что там, в шалаше,  
Какие чудеса в нем спрятали метели.  
Там ногу черт сломал себе в ералаше  
Садовника и греховодника Емели.

И стыдно тайной мерзлой прелестью дышать,  
Так стыдно перед горьким зимним добрым дымом,  
Что хочется весенней неге помешать,  
Чтобы он оставался навсегда любимым.

И меркнет снег местами, и земли пятно  
Темней — в нем раньше солнца оживают тени,  
И цепь холодных дней чуть теплое звено  
Нашла в душе твоей, в ее оцепененьи.

. . . . .

Мир воскресает ранее, чем смерть  
Покинуть мир воскреснувший успела,  
И мертвеннее пребывает твердь,  
Чтобы душа воскресла, словно тело.

И дивно воскресение души,  
Когда она, как тело, воскресает  
И — мертвенность свою распотрошив, —  
Себя от праха тела отрясает.

Уж части тела ожили одни  
Природы... Но не в них, что оживают,  
Видна душа Природы — вся живая, —  
В ней части нежившие видны.

... Чтобы Тебе, Тебе помог я воскресать,  
Душа моя на все, на все готовы жертвы —  
Душа моя готова не живой восстать,  
Душа готова не живой восстать из мертвых.

... И парк пустынной, если виден человек,  
Заброшен более, чем то, что пережито,  
И человек к снегам заброшенным прибег,  
Но парк еще пустынной — сердцем не забытый.

И человек стоит средь мертвой тишины,  
И то она его, то он ее объемлет,  
И посреди апофеоза белизны  
Как темен он... И тьмы апофеозу внемлет.

И виден мир родной между чужих границ,  
И тишине чрез них не перейти пролома,  
И виден мир чужой далеких небылиц,  
Что сбылись меж границ столь близких и знакомых.

И часть былой ограды — в тишине пролом —  
Хотя не существует, все ж полусокрыта,  
И не перелететь через нее крылом  
Иль только тем крылом, что жизнью перебито.

Сучок еле беззвучно, мертвенно хрустит.  
То сумерки на ветки тихо наступают  
И белизна сквозь синеватость проступает  
И синеватость смутно белизны блестит.

Но парк еще пустынной, если не забыт,  
Еще заброшенной, когда в него приходят,  
Оградою, что больше нет, — полусокрыт.  
И прошлое теперь все больше превосходит

Все то, что было и что навсегда ушло, —  
Находит более, чем все, чем все потери, —  
И только для тебя еще во что-то верит,  
Под темными ветвями — все еще светло...

И виден мир чужой среди родных границ,  
И переходит тишина средь них пролома,  
И виден мир родной — столь близких небылиц —  
Между границ несбывшихся... средь бурелома.

И прошлое нашло теперь тебя в себе,  
И в нем твоя святыня от тебя сокрыта,  
Протягивающая то крыло к тебе,  
Крыло свое, что было жизнью перебито.

Не нарушается ничем уж больше снег  
Под тихо падающим одиноким снегом,  
И парк пустынной, если виден человек,  
Еще заброшенной — не позабытый негой.

. . . . .  
. . . . .



Небесной чистотой полно корыто  
У двери кухни, где сосулек блещет свес,  
И в синеву, — в которой дальний лес, —  
Калитка не по-зимнему полусокрыта.

По звукам чудно учится весна с азов,  
И дни свои сплетает буки в веди.  
Кирилл сосулек уж идет на мудрый зов  
Мефодия берлог, чтобы поведать

О том, что свет Господен озарил  
Неграмотность пресветлую Природы.  
Сосулек просвещающий Кирилл,  
Благовествующий берлог Мефодий

Раскрыли Божьей мудрости букварь,  
Но окоlesiцу несет Природа, —  
Весной еще глупее Божья тварь  
И женского и мужеского рода.

И снегом глухо нахлобученная ель  
Бормочет синь и свой сугроб оберегает,  
А детворы звучит сопливая свирель,  
Под носом шмыгает, под пальцами шмыгает.

И взрослыми нельзя никак наполнить двор,  
А детворой — да сделайте на милость!  
Немного их — а шел — ахти! — такой сыр-бор,  
Что баба снежная на них кричать стомилаь.

А что достопочтенный, достохвальный Ерофей  
Был снежной перепалки целью многогорбной —  
Грудь втискивала шейю плечи в зад спины своей, —  
Об этом говорить весьма, весьма прискорбно.

И Ричардов мечи соратник неустанный  
Уже меняет на скворцов высокий шест,  
Тая в себе веснушек бурное восстанье  
И против башлыка торжественный протест.

И Эллы светлый крик, летевший на салазках,  
Глотал тот ледяной и сладостный аршин,  
Что меряет сосульки разных величин,  
Что ночью блещут, точно волчьи зубы в сказках.

Снег возле дома в пепле, словно бы дотла  
Сгорели стены — в дымке инея — сарая,  
И кличет Элли няня согнуто-кривая,  
Что и под коромыслом стройною была.

И долетел до низа горки светлый крик,  
Смешавшийся с захлебывающимся смехом,  
Смешался с жаром уст, смешался с паром меха,  
Смешался с лаем пса, что добротой велик.

Проглочен няни с бутербродами поперек,  
И снова колея косичек бурным бегом —  
Сосулек блеска вдоль и лая поперек —  
В сверкание летит над Баргузинским снегом.

И снега узкая и чистая тропа  
Широкою и чуть нечистою дорожкой  
Становится... О Марфа, где твоя стопа,  
Мария, где твоя запечатлелась ножка?

Пока дойдешь от дома до сарая  
Тропою Марфы, что хлопочет все, —  
То видишь, что охапка дров сырая  
В руках Марии греет Бытие.

Охапка дров сыреющая греет,  
В руках Марии греет бытие,  
А Марфа, руки опустив за нею,  
Идет, неся мечтание свое.

Где бедный пир передника ее,  
С которого она роняла крошки?  
Она несет мечтание свое,  
А голуби ей кланяются в ножки.

И оттого ль, что дети так кричали,  
От долгой спячки словно бы очнулись мы,  
И чувствуется, что в весны начале  
Уже конец молчания зимы.

Куда идти — повсюду радость ждет тебя,  
Но робкую ее ты ждешь еще не смело,  
Еще на снег глядишь, его не разлюбя,  
Но черная земля — любви твоей пробелы.

Еще таится жизнь, чтоб не нарушить смерть,  
Но явственнее жизни смерти нарушенья,  
И чувствуешь в душе, как рану, — исцеленье,  
И словно посох, — палка, воткнутая в твердь.

Зимой, бывало, сразу был конец пути,  
Бывало, путь, едва лишь трогаешься с места,  
Уже терял себя, не мог себя найти,  
Гасил свои огни и пропадал без вести.

Но днесь местами виден след и путь земной,  
И колея кой-где, что вдаль ведет отсюда, —  
Все явственней — под мертвенною пеленой,  
Что воскрешается весны наставшим чудом.

И совершалось чудо предо мной, —  
Чтоб дольше сна продлилось пробужденье, —  
На оснеженные крыльца ступени  
Всходило то, что веяло весной.

То нега дуновения сильней  
То с негою слабеет дуновенье,  
И на еще промерзлые ступени  
Всходил восторг блаженный вешних дней.

И пусть забор в грядущем ограждал  
Свои зубцы от приступов сирени,  
На пепельно-пречистые ступени  
Всходило то, что каждый тайно ждал.

То в слабом дуновеньи неге нет конца,  
То неги бесконечней веет дуновенье,  
На солнцем осиянные ступени  
Всходило то, что ждали все сердца.

И то, что было дуновения сильней,  
Вновь еле уловимо, ставши негой прежде,  
И снова дуновенье веет негой всей,  
И в воздухе любовь и счастья надежды.

. . . . .  
. . . . .



## **ПРИЛОЖЕНИЕ**



## ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Вадим Андреев

### Труд

Когда ты набираешь слово звук,  
Где эхо звука?

Борис Божнев

### I

Густея, нехотя течет река  
И, как в вино, мокая в воду губы  
Спит ржавый снег. Взлетают облака,  
Раскрыв хвостов сиреневых раструбы —  
И колосится нива снеговая.  
И солнца ждут холодные цветы.  
О кровь моя, усталостью густая,  
Рекою черною течешь и ты!

У берега чуть нарастает лед.  
Все медленней холодное струенье,—  
Но сквозь покров зимы меня зовет  
Иной земли прельстительное пенье.  
Река течет в угрюмой колыбели.  
Отдохновенная пришла пора.  
Тяжелые, январские метели  
Наш крышкой льда раскроют веера.



## II

Бежит по черной проволоке кровь,  
Бегут по черной проволоке звезды  
И электрическое сердце вновь  
И вновь вдыхает удивленный воздух.  
Взлетает птицею над линотипом  
Прекрасный, теплый и бессмертный звук.  
Строка рождается и с слабым всхлипом  
Она летит в объятия подруг.

Строка хранит небесный оттиск слов,  
Строка внимает щебетанью клавиш,  
И новый мир — необычайно нов, —  
Рожденье даже смертью не исправишь.  
И сохранив — непреходящей жизни —  
На белом поле выросший посев,  
Она своей расплавленной отчизны  
Встречает радостно высокий гнев.

## III

От жизни нас освобождает труд. —  
Не так ли землю зимние покровы  
От тщетной страсти строго берегут?  
Рождается в огне густое слово  
И забываем мы, как нас зовут.  
В преддверье смерти нас ведет усталость.  
Мы отдыхаем в воздухе пустом.  
Мы знаем, — наша жизнь — большая малость, —  
Лишь сделав вещь, мы вечность создаем.

## ПРИЛОЖЕНИЕ 2

### Столик Блока

Я здесь уже — но Вас еще не вижу.  
Еще я здесь — уже не видя Вас...  
А Эйфелева башня стала ниже  
Всего того, что возвышает нас.

. . . . .

Я видел Вас, игравшего с ребенком  
Средь комнаты тех баснословных лет,  
Когда ходила ангельская конка,  
Не покупая дождику билет.

На книжной полке, что стоит у двери,  
Лежали Мандельштам и Пастернак —  
Неумолимый беспощадно знак,  
Что с Вами я в одно и то же верю.

Ооо Осип! Эллин - Иудей!  
Поддерживает лишь твоя колонна  
Полночный свод, где стали — чуть наклонно —  
Медведицей Большою Семь Свечей...

Разбитый мрамор твоего лица  
Был сослан в страшные каменоломни.  
Полувенок клещей вдавил огромный  
В чело два ржавых и тупых конца.

. . . . .  
А Пастернак... Как вырванный язык  
Из рта поэ — черн — дымн — в пере — куч — катом  
Обрубком зрячим — членовидный крик —  
Хранит в себе — нерасторжимый атом.

Все реже смертный открывает рот  
Он с каждым днем, с песочным каждым часом,  
Похожий на Пегаса, он живет,  
Все более похожий на Пегаса.

. . . . .  
. . . . .  
. . . . .

*Здесь — продолжается историческая часть поэмы.*

Два шага дальше — Франции камин,  
И Блок на нем — не светит и не греет,  
И холодом неуловимым веет  
Его волос златистый кринолин.

Моментами не веет — шелестит...  
И он тогда, зрачки еще расширив,  
Похож на ту из яростных валькирий,  
Которая быстрее всех летит —

Быстрее всех — и все ж не впереди  
Кольчуг других блестит ее кольчуга,  
И мимо за подругою подруга  
Летят сквозь вопль и блеск ее груди.

. . . . .  
. . . . .

Все тихо, и в безмолвии глубоко  
Весь водорослями проросший взор  
Невидящий — извозчику — в упор:  
— В «Аквариум...» — Лакею: «Столик Блока...»

Под пальмою высокою в углу  
Он сел... Пред ним обычная отрада —  
Лед углей, тающий в ведерке ада,  
И из бокала сухости иглу

Он пьет, и чувствует ее уколы,  
Потом, не чувствуя, он искры пьет —  
В бокале есть квадратик, в нем — пролет  
В кружок, в кружкё — просвет, в просвете — щёлок

Мирьяды на превыспреннюю пыль,  
Пустящую — летящую — навстречу...  
И заглушенным шорохом далече  
В ушах шумит шампанского ковыль.

В «Аквариуме» воздух душно-сух,  
И лишь духи, как волны с пеной, перьев  
Бессонно-страусовых качают дух.  
... Прошел сквозь залу уж немодный Лерьев —

Еще недавно здесь он находил  
Приветствий шумных больше, чем поклонов.  
Теперь он головы два - три наклона,  
Как бы смычком пробора, проводил.

*Здесь будет — «переход» к цыганской части поэмы.*

В долмане красном пожилой цыган  
С красой, накопленною безобразьем,  
Которую уже ничто не сглазит,  
Не расточит цимбальный чистоган,—

Ее он сможет долго сохранить,  
Сребро веков доверив той морщине,  
Которая еще дает мужчине  
Последний шанс в последний раз любить.

С лицом, как бархат старых мастеров,  
Их темной кистью выбритый до синьки,  
Цыган играл, потерян в лабиринте  
Долмана желтых шелковых шнуров —

Затерянный в таинственных шнурах,  
В сплошных петлях, подобных сердцу нитей,  
В кистях безвольных с яркостью наитий,  
Округло-плоских на полушарах, —

Он, маленькую скрипку прищевив  
Щекою смятой с матовою пудрой,  
Рукой, как жук истомный, мелкокудрый,  
По струнам полз, их странно зацепив.

Он полз — и под дрожанием держал  
Жужжание, и дрожь среди жужжанья,  
Как сдержанное жало обожанья,  
Изнеженно и обнаженно жал.

*Здесь будет продолжение игры цыганской —*

Развенчивал лиловый абажур  
То, что увенчивается бокалом,  
Когда услышал он: «Я Вас искала  
Всю ночь»... Из хаотично-стройных шкур

Мехов раздался близкий, низкий голос —  
Пушистый и душистый водопад  
Соболий ниспадал почти до пят —  
«Хотя, поверьте, я с собой боролась...»

Он встал и молча перед ней стоял,  
На голову был выше водопада.  
Как дирижер душевного разлада,  
Перед собою руку он поднял

И так держал, пока утих разлад,  
И он сказал: «Я Вас найду когда же?..»  
И чахлых пальм сияющим миражем  
Ее любви забрезжил зимний сад...

Исчезло все — забрезживший пейзаж  
Из виденья переходя в виденье,  
Оставив без фонтана — струй паденье,  
Без темных стекол — блещущий витраж,

На свежих брызгах, в свежести пыли,  
Что веет, сеет, мреет и мелеет,  
На высоте, где уж ничто не реет,  
Сиял — нигде — вблизи — везде — вдали...

Пока он тихо руку опускал,  
Мираж исчез, и где-то счет проверен...  
«Поверьте мне, что я давно потерял  
И, может быть, с тех пор как Вас искал...

Я Вас, — склонился он, — прошу», — и стул  
Он взором раньше, чем рукой, подвинул,—  
И скопленные нежностью лавины  
Вдруг хлынули, он их услышал гул...

«Я Вас ждала сегодня целый день,  
Следя за агонией телефона».  
... Звучала смутным, отдаленным фоном  
Ночного ресторана дребедень...

«И я не знала, что Вы так классичны...»  
Но он ее прервал и посмотрел —  
«Аквариум» ужасно постарел.  
«И мне его покинуть неприлично...

А если нужно будет, — позже всех  
Покину... Даже позже, чем забвенье.  
... Люблю я этого ведерка звенья  
Звенящие, как леденящий смех...

Когда меня в те дни он приютил,  
Он молодостью весь был позолочен  
И молод сам, хотя уже не очень, —  
Я весел был, он не со мной шутил...»

Лакей, скользящий словно между ног,  
Прошел по направлению улыбки...  
«Вы здесь меня нашли не по ошибке:  
«Аквариум» ужасно одинок...

Пусть столики — так этикет велит —  
Все заняты, — но зал не переполнен.  
Духов со страусовой пеной волны  
Уже ничто, никто не шевелит.

Меня он встретил строже, чем других,  
Но вскоре полюбил мои привычки, —  
Чтоб дать мне угол — роскоши жиличку  
Переселил в ранг женщин дорогих.

С тех пор за мной остался этот угол,  
И пальма, как простертая ладонь,  
Благословляет чувственный огонь,  
И ледяной в ведерке тает уголь...

. . . . .

Да, позже, чем забвенье, перейду  
Через порог его гостеприимства,  
И десять лет вновь станут цифрой римской.  
Здесь — эту ночь — я, к счастью, проведу».

Она смутилась на момент один,  
Но тотчас ясно на него взглянула.  
Не слыша больше сладостного гула,  
Он видел лишь сияние лавин...

Ее он руку взял и сжал ее  
Так, как душа растет — так постепенно,  
Так незаметно — так второстепенно  
И так единственно, как бытие.

Она ему растроганной рукой  
Ответила, продлив рукопожатье,  
На то, на что всей жизни ей не хватит,  
Но нежности достаточно такой...

Париж, июнь 1946.



**B. BOJNEV**

**INTRODUCTION A L'AGRUME"**

**1940**

Dans la douce faiblesse des années passées j'ai entendu soudain l'écho qui précède — et non pas qui accompagne — les sons sourds et souterrains du lointain cataclysme.

Et tant était tardive la douce faiblesse des années passées et tant était en avance l'écho qui précède le cataclysme que leur rencontre a fait de moi le témoin de l'avenir.

Ecrit en automne 1935 cette poésie se situe — de terrible droit — en cet automne 1940.

Car voici venue l'heure pour elle de nous mener vers l'«Agrume» — vers ce recueil où je transcris les fragments de nos épreuves et la justification de nos remords.

Mais toute Introduction qui nous mène est toujours en dehors des choses à atteindre et en même temps censée être remplie de toute leur inaccessible plénitude.

Elle doit non seulement conserver sa place ordonnée et calme dans la hiérarchie du désordre, mais encore prolonger son souvenir au delà de sa lucidité...

Je l'imprime tout seul — ce pressentiment — car le pressentiment est toujours tout seul et tout contracté, — tout contracté malgré qu'il couvre quelquefois des espaces immenses et incommensurables, — tout seul malgré qu'il contienne l'accomplissement commun de chaque destin mortel...

B. B.

Septembre 1940

**Les mains vainqueurs sans redoutables armes,  
Les armes vaincues sans redoutables mains ...  
Le calme amer aux majestueuses alarmes ...  
Le lent déroulement du parchemin ...**

**La guerre tranquille et apaisante sans paix,  
La paix servile infiniment mortelle ...  
L'écho sanglant de l'or des mélopées ...  
La mort sans mort, et tout de même c'est elle ...**

**La guerre tranquille – les mains blessées sans  
armes,  
La paix mortelle-les armes blessées sans mains..  
Le calme amer aux majestueuses alarmes...  
Le lent déroulement du parchemin...**

**Les mains sans armes si apaisantes sans paix,  
Les armes sans mains mais aux blessures  
mortelles...  
L'écho doré du sang des mélopées --  
La mort sans mort, et tout de même c'est elle...**

**Octobre 1935**

## **ПРИМЕЧАНИЯ**



Составление данного издания столкнуло нас с определенными трудностями. Далеко не все в литературном наследии Бориса Божнева равноценно. Замечательные по неожиданности угла зрения, остроте мысли и изобретательности лирического выражения тексты и строки соседствуют с длиннотами, со стихами вялыми и вымученными, лишенными поэтического вдохновения и огня. В последние десятилетия, по мере все большего отчуждения от литературной среды, автор все шире и все упрямее обращался к жанру, в котором чувствовал себя недостаточно уверенно — к стихотворному эпосу, отступая от формы лирической миниатюры, в двадцатые годы обеспечившей ему особое место на эмигрантском Парнасе. Наше издание, включающее в себя неизвестные широкому читателю книжки и произведения поэта, позволяет точнее и полнее, чем когда-либо раньше, представить значение Божнева в истории русской поэтической культуры. Между прочим, русскими стихами литературные интересы и амбиции Бориса Божнева не ограничивались. Еще с довоенных лет он регулярно обращался и к французским стихам, а в конце жизни сочинял по-французски большие поэмы. В качестве образца и любовного документа, мы воспроизводим в Приложении стихотворение *L'Introduction à l'Agrume*, выпущенное автором отдельной брошюрой в 1940 году. Существуют сведения о версификационных упражнениях Божнева на языке идиш. Он многократно также возвращался к писанию прозы, но ни один из этих текстов до нас не дошел. К своим собственным опытам в прозе, равно как и к подобным занятиям своих друзей (например, Александра Гингера), Божнев относился с болезненной ревностью — для него «проза поэта» не имела права на существования, если она не приближалась к уровню «Героя нашего времени» или «Детства Люверс».

Наш двухтомник включает в себя все напечатанные при жизни автора русские стихотворные тексты и некоторые из оставшихся неопубликованными. О соотношении тех и других можно догадываться не только по промелькнувшим в печати упоминаниям невышедших книг, но и по составленным поэтом в конце жизни спискам своих неопубликованных литературных вещей. Приводим один из них, посланный Г. Спату в 1964 году:

## ПОЭМЫ, ПОЭМЫ В ПРОЗЕ И ПРОЗА В РУКОПИСЯХ

- Лучезарная твоя. Поэма.  
Во хладе синевы дрожат алмазы. Поэма.  
Российская Леда. Поэма.  
Ангельское терпение. Четверостишия о Снеге.  
Вторая Большая Двойная Элегия.  
Ксаверий Лерьев. Поэма.  
Мин Херц. Четверостишия о Снеге.  
Колчан муфты. Поэма.  
Ноктюрн Александра Блока. Поэма.  
Аиз. Книга стихотворений.  
Кламарская элегия.  
Кет и Поля. Стихотворные олеографии.  
Лошадиная Голгофа. Четверостишия о Снеге.  
Диктатура поэзии. Поэма в прозе.  
Вторая Лета. Поэма.  
Что Дельвиг. Поэма.  
Пасторали и элегии.  
Хурем. Книга эротики.  
Формы, облеченные в мысли. I.  
Мысли облеченные в формы. I.  
Формы, облеченные в мысли. II.  
Мысли, облеченные в формы. II.  
Пятый дележ Шопена.  
Тура тишины. Поэма шахматная.  
Сельской, кабацкой, песенной и скифской памяти Сергея Есенина  
Поэма.  
Горящая карета. Поэма в прозе.  
Инвентарь трудотворный, собраний и ремесла.  
И другие труды в стихах и в прозе,  
названия которых еще не найдены —  
но — будут — и пребудут —  
если б. ж.  
[если буду жив —  
Л. Толстой в дневниках]

Б. Божнев

Сохранившиеся и переданные в наше распоряжение Эллой Каминер рукописные материалы содержат несколько из этих вещей — «Столик Блока» (1946), как первоначально называлась поэма «Ксаверий Лерьев», «Что Дельвиг?..» (1948), «Колчан муфты. Зимний аккомпанемент» (1949), «Лучезарная твоя» (1949), «Во хладе синевы своей дрожат алмазы» (1951-1957) и «Четвертый раздел Шопена» (1952 - 1959), а также поэмы «Ночной снег замечает следы Венеры» (1949 - 1950) и «Изгнание из ада» (1951 - 1957), относительно которых не ясно, имеют ли они какие-либо соответствия в указаниях вышеприведенного списка. Все эти произведения в рукописях не завершены — в них недописаны либо целые фабульные эпизоды, либо строфы, либо отдельные строки. Из всех этих вещей мы выбрали только «полуавтобиографическую» поэму «Столик Блока», содержащую любопытные, на наш взгляд, отзывы о литературных предшественниках автора (см. Приложение 2). В остальном же наше издание состоит из текстов, которые автор считал законченными и сам опубликовал, и таких неопубликованных вещей, которые были им адресованы к тем или иным лицам его окружения. При этом мы позволили себе в некоторых случаях незначительную редактуру, приблизив орфографию к современным нормам и устраняя неоправданные странности пунктуации (в особенности — явное злоупотребление многоточием). Конечно, из-за ограничений, налагаемых версификационными рамками, не все отклонения от живой языковой нормы удавалось исправить (см., например, «долман» вместо «доломан» в «Столике Блока»). Оторванный от русскоязычного обихода, Божнев не раз чувствовал себя поставленным в тупик вопросами стилистического и грамматического порядка и просил в письмах к друзьям разрешить его сомнения. Стихотворения в обоих разделах нашего издания следуют в хронологическом порядке. Комментарии содержат сведения об источниках текста и выявленных публикациях или местонахождении автографов его, равно как и указания на отзывы, появившиеся в печати; другие справки сведены до минимума. Мы считаем своим приятным долгом выразить глубокую признательность И. М. Лемперту (Париж), Э. С. Спат (Нью-Йорк), Т. А. Осоргиной-Бакуниной (Париж), Режису Гейро (Париж) и Эйприл Гиффорд (Стэнфорд), а также сотрудникам Бахметевского архива Колумбийского университета и рукописного отдела Библиотеки Иллинойского университета за ценную информацию, предоставление малодоступных изданий и архивных материалов и щедрую помощь в нашей работе.



## ПРИМЕЧАНИЯ К ПЕРВОМУ ТОМУ

*Борьба за несуществование*, первая и оставшаяся наиболее известной из книг Божнева, вызвала и наибольшие споры при своем появлении (см. нашу статью в первом томе). Из включенных в нее стихотворений два были до этого напечатаны в *Литературно-художественных сборниках Недра*, книга третья (Москва, 1924) — «Я не люблю оранжеи» (стр. 30 оригинального издания) и «В толпе я смерть толкнул неосторожно» (стр. 73). Последнее, наряду с «Я полагал, что первые припадки» (стр. 28) и тремя впервые публикуемыми нами в этом издании, вошло в альбом С. В. Потресова (см. комментарии к разделу «Несобранное и неопубликованное», № 8-10). Стихотворение «Ребенок, ушибившись, плачет» (стр. 34) Божнев написал на пригласительном билете на «Val transmental» в Париже 23 февраля 1923 года, хранящемся в архиве Ильи Зданевича. Там же — надписи Георгия Евангулова, Александра Гингера, Анатолия Юлиуса и др. участников вечера. Во второй строке стихотворения в этой редакции различие: «И трет свой маленький ушиб». Два стихотворения из книги (стр. 49 и 84) перепечатаны в антологии *Якорь*, составленной Георгием Адамовичем и Михаилом Кантором (Берлин: Петрополис, 1936, стр. 90-91).

*Фонтан*, хотя и оказавшийся, в конечном счете, менее заметной, чем *Борьба за несуществование*, книжкой у Божнева, повлек за собой и более определенную положительную реакцию критиков. Наиболее показательным, в этом отношении, был отзыв В. Сирина (Набокова): «Фонтану, игре фонтана, стройному полету воды» и «меланхолической дуге» ее ниспадения, посвящена эта прохладная книга. Все восемнадцать восьмистиший в ней написаны четырехстопным ямбом, с женской рифмой на четной строке, что, как известно, придает строфе некую медлительность ритма. «Бежит в содружестве поток, в содружестве бушуют волны, и лишь один фонтанный ток журчит в уединенье полном». Таких хороших стихов немало у Божнева. Открываешь наугад, читаешь: «Смотря на хлопоты фонтана лениво возлежит Восток» — и радуешься. В его стихах есть и мысль, и пение, и цельность. Некоторая извилистая неправильность фразы в ином восьмистишии создает своеобразное очарование, как бы передавая музыкально-воздушные повороты воды. Порою же не-

уклюжесть слишком явная (первое стихотворение в книге, — которое к тому же может показаться — игриво настроенному читателю — несколько двусмысленным). Но о недостатках не хочется писать, — столь усладительны эти стихи [...]» (газета *Руль*, Берлин, 23 мая 1928). Приветствовал новую, неоклассическую тенденцию у Божнева и Георгий Раевский (Г. А. Оцуп): «Вышедшая в свет тоненькая книжка стихов Б. Божнева *Фонтан* — восемнадцать ямбических восьмистиший — очень выгодно отличается от его первой книги *Борьба за несуществование*. Претенциозность, нарочитая (а потому и мнимая) острота тем, какая-то внутренняя несдержанность, которой отнюдь не спасала ирония, — все эти прежние дефекты, кажется, совсем преодолены поэтом. В новой книжке, в ее замкнутом цикле, заметна внимательная собранность. Уместна и хороша некоторая «старинность» и в архитектонике, и в подборе слов (смертный, сколь, сия). Хорош и пленителен для слуха непрерывающийся глуховатый голос, слышимый почти во всех стихах.» К недостаткам книжки рецензент отнес употребление «рифмоидов» (неточных рифм), а также неосторожное, как он говорит, «упоминание в одном из стихов древнего изречения «панта рей» (все течет) в связи с именем Кратила: изречение принадлежит Гераклиту» (газета *Возрождение*, Париж, 5 января 1928). Интересно сопоставить с этим отзывом позднее появившуюся рецензию Ю. А[йхенвальда]: «Хочется отметить эту книжечку, содержащую в себе восемнадцать стихотворений на одну тему — о фонтане. Поэзия и философия фонтана, образ водомета заметную роль имеет в творчестве Тютчева. Именно в духе и стиле последнего, этого духа и стиля не постыдив, в переплеске слегка архаических слов, не уклоняясь от «зане» и «сие», продолжает и г. Борис Божнев славить «закованно-свободную» красоту фонтана и сжатыми восьмистишиями своими высказывает о ней тоже красивые мысли. Одна из них возвращает к учению древнего Гераклита: «все течет», и так как последователем названного греческого философа был Кратил, то это дает нашему автору счастливую возможность произвести новую и богатейшую рифму, — и вот мы читаем:

О, слышит ли его Кратил —  
Бессмертно ровное журчанье —  
Иль слушать космос прекратил?...

Философское течение всегда было заметно в прекрасном море нашей поэзии. Можно приветствовать и лишнюю струю в нем — книжечку г. Божнева, светлую струю стихов о струе фонтана» (газета *Сегодня*, Рига, 12 мая 1928).

*Поэма Silentium sociologicum*, вышедшая в самом начале 1936 года, совпала по времени с последними — и оставшимися бесплодными — попытками автора заново приобщиться к литературной среде. Ведущие критики не скрывали своего разочарования по поводу нового произведения. Георгий Адамович писал: «Божнев — один из искусных эмигрантских стихотворцев. Только искусство его какое-то архаическое, сухое, насквозь книжное, подчеркнуто литературное, никуда не ведущее. Он, видимо, усердно читал Боратынского и Тютчева, он многое понял, многому научился, — у Боратынского в особенности... Но ученик остался на девять десятых учеником, ибо мало что прибавил к унаследованному богатству, оказался не в силах преобразить его» (газета *Последние новости*, Париж, 12 февраля 1936). Не менее суровым был отзыв Юрия Мандельштама. Выделив божневскую поэму среди других поэтических новинок, он в то же время писал: «И все-таки, в общем, поэму нельзя назвать удачей: от Божнева можно бы ожидать большего. Свое переживание он засушил и явно снизил. Построение поэмы — чисто головное, почти публицистическое. От «цыганского опыта» Божневу отказываться не следует — именно пения у него слишком мало. Хорошими стихами иллюстрирует он свою рационально взятую тему, довольно точно выраженную в заглавии и приведенных цитатах. Впрочем, и стихи далеко не всегда хороши. Попадают срывы и безвкусицы. Иногда Божнев невольно приближается к Козьме Пруткову: «Святых серег незримый ореол увенчивает снизу орган слуха», «Бегут по коже мириады роз, Всевидящие, но глухонемые». Для Божнева такие строки непростительны» (газета *Возрождение*, Париж, 30 января 1936). Замечательно, что оба рецензента при этом с восхищением процитировали слова «царицы песни» (стр. 7). Вряд ли поэтому было случайностью то, что именно этот кусок поэмы (строфы 11 - 15) был перепечатан (без заглавия и каких бы то ни было отсылок) в вышедшей после освобождения Парижа от немцев русской газете *Честный слон* (в номере от 12 мая 1945 г.), которую издавал приятель Божнева поэт Дмитрий Кобяков. Первая строка 12-й строфы в этой публикации содержала поправку и выглядела так: «Теперь, когда услышала она».

Печатные отклики современников на сборник *Альфы с пеною омеги* нами не выявлены. Большая часть вошедших в сборник пьес была написана, по-видимому, еще в конце 20-х годов. Стихотворения, помещенные на стр. 14, 12 и 5, впервые напечатаны в журнале *Воля России*, 1930, кн. 7 - 8 (июль - август), стр. 578 - 579, в составе цикла, озаглавленного «Из книги *Живое мертвое море*» и состоявшего из четырех стихотворений. Невошедшее в *Альфы* первое стихотворение

этого цикла см. в разделе «Несобранное и неопубликованное», № 24. *Альфы* обозначили собою переломный момент в литературной биографии Божнева: после него он сознательно порывает с эмигрантским литературным миром и все последующие издания адресует узкому кругу ближайших почитателей и друзей.

## ПРИМЕЧАНИЯ КО ВТОРОМУ ТОМУ

*Саннодержавие. Четверостишия о снеге* — печатается по авторскому изданию 1939 года. Книжка эта была первым по времени божневским изданием, выпущенным на бумаге 18 века. Несколько из вошедших в книгу четверостиший были (по всей вероятности, без ведома автора) перепечатаны в нью-йоркском журнале *Новоселье* — строфы 15 («Какой простор...»), 16 и 24 — во втором номере (март) за 1942 год, а строфы 8, 31 и 34 — в № 7-8 (декабрь 1943 — январь 1944). Строфы 24, 42 и 26 вошли в рукопись, посланную автором Г. Спату в Нью-Йорк в декабре 1947 года (ср. комментарии к разделу «Несобранное и неопубликованное» в настоящем томе, № 28).

*Утешенность разрушения* — печатается по авторскому изданию 1939 года. Девять экземпляров этого издания были украшены цветными рисунками автора. Один из них содержит инскрипт (по-видимому, адресованный Г. Спату): «Одному из лучших восстановителей один из лучших хранителей разрушений. Б. Б. 1941». В нем же, в дополнение к эпитафии из Вовенарга (Luc de Clapiers, Marquis de Vauvenargues, 1715-1747), добавлены вписанные от руки афоризмы французского писателя-моралиста и философа Жубера (Joseph Joubert, 1754-1824); «La faiblesse que conserve vaut mieux que la force que détruit»; «Le soir apporte avec lui sa lampe».

*Элегия эллическая* — печатается по авторскому изданию 1940 года. Посвящена Э. М. Каминер. В 1949 году, после ее отъезда в Тель-Авив, Божнев переиздал книгу (по старому набору) на цветной бумаге большего формата. «Элегия» была опубликована также в седьмом номере *Новоселья* (сентябрь-октябрь 1942 года), стр. 32 - 35, без ссылок на издание 1940 года, с легкими редакционными поправками (в частности, с заменой слова «похладевшая» в 10-ой строфе на «охладевшая») и с примечанием: «Печатаемая ниже поэма Б. Божнева доставлена нам из Франции, где в настоящее время находится ее автор.»

*Оратория для дождя, мужского голоса и тумана* — печатается по авторскому изданию. Charles Jean François Hénault — французский писатель и политический деятель 18 века. Ольга Чернова (1882 - 1964), которой посвящена книжка, — журналистка и писательница, дочь литератора Колбасина, жена Виктора Чернова, лидера партии социалистов-революционеров. «Оратория» была написана и даже набрана, по-видимому, в 1939 году, но вышла лишь после войны. Благодаря Г. Спата за денежную помощь, Божнев сообщал ему об издании в письме от 18 марта 1948 года: «Сделав еще все возможное и невозможное, я напечатал 90 экземпляров — бумага страшно дорога, и я придумал печатать на бумаге des cahiers de dessins. Поэма вышла из печати 2-го марта — и я теперь рассылую ее друзьям и той небольшой элит[е], которая меня читает и почитает как поэта. Конечно, я не в состоянии делать это бесплатно, — и друзья мои в какой-то мере окупают стоимость издания, помогая мне и моему творчеству.

Тем более, что — как Вы уже, наверное, увидели, — каждый экземпляр поэмы сопровождается рисунком — голова героя моего, и «чернильными страницами» в начале и в конце — как две туманности, объявшие текст.

Всего я сделал — пока — 68 «голов» — уф! — конечно, не все разные, а 6 «типов» — и каждого типа по 10-12 рисунков; рисунков 25 не удалось совершенно, и вообще это не легко.

И еще обложки — внутренние и чернильные листы, всего, наверное, больше 200 уже исполнил.

Цена экземпляра для Америки 2 dol. Посылаю один для Вас, а другой, быть может, продадите.»

Один из экземпляров, отправленных Спату, имел инскрипт: «Дорогому Spat с ясностью наших воспоминаний и с туманом моих надежд... Б. Божнев. Март 48.»

*Фуга светлых следов* — печатается по беловому автографу, датированному декабрем 1947 года, с прибавлением заглавия, под которым стихотворение вышло отдельным изданием на белой, голубой и желтой бумаге эпохи Людовика XIV в ноябре 1948 года. В этом издании имелось и посвящение — «Элле» (Э. М. Каминер). Печатный текст имел и другие отклонения от автографа: единственным знаком пунктуации, использованным там, было многоточие, едва ли не принявшее на себя функцию словораздела, и иными были заключительные строки последних трех строф: 2-я строфа кончалась стихом «Светло ведут к сверкающей опушке», 3-я — «К лучистой

углубившейся опушке», 4-я — «К сиянию нетронутой опушки». Композиционный прием метатетических вариаций в «Фуге», перекликающийся со знаменитым «Квадратом квадратов» Игоря-Северянина, с этого времени начинает доминировать в произведениях Божнева.

*Колокольный звон над «Царство Божие внутри нас»* — печатается по авторскому изданию, вышедшему весной 1948 года. Ольга Викторовна Андреева (1903 - 1979) — падчерица Виктора Чернова, жена Вадима Андреева (ср. комментарии к разделу «Несобранное и неопубликованное», № 22). См. ее мемуары: Olga Chernov Andreyev, *Cold Spring in Russia* (Ann Arbor: Ardis, 1978).

*Утро после чтения «Братьев Карамазовых»* — печатается по авторскому изданию, выпущенному в конце 1948 года. Вторая часть издана не была и, по-видимому, не была и написана. *Циссоида* — алгебраическая кривая третьего порядка. *Данаидины кадушки* — отсылка к мифу о Данае и его 50 дочерях; изнурительная бессмысленная работа.

*Уход солдат на русско-японскую войну* — печатается по авторскому изданию, вышедшему весной 1949 года. По-видимому, еще до этого, в 1948 году, три ([18], [19] и [20]) страницы этой книжки вышли, как самостоятельный текст, в отдельном, украшенном виньетками, издании на красной бумаге, под названием *Аккорды самосуда* (без выходных данных). Только первая строфа в нем отличалась от соответствующей в *Уходе солдат*:

... И с громким смехом смешанный табак,  
И стенку, и средину тротуара  
Раскрывшеюся дверью вдруг кабак  
Ошпаривал морозящимся паром.

*Никофор* (Никифор) — византийский военачальник при Константине VII Багрянородном, затем император; автор трактата по военному делу. *Валогиче* — влагалище. *Ферверки* — фейерверки. *Илликон* — Илион (Троя). *Веди* — старое название буквы *в*.

*Высоко белеющие строки и свист площади* — печатается по авторскому изданию, вышедшему в июне 1949 года.

### *Несобранное и неопубликованное*

1-5 — опубликованы в сборнике: *Русская Лирика*, вып. 1: *Современные Поэты*. Составили: Б. Божнев и К. Парчевский (София: Типография Балкан, 1920), стр. 49-54. При всем своем откровенно эпигонском характере эти стихи дают интересный материал для суждения о начальном периоде творчества Божнева. Они обнаруживают чрезвычайно сильное влияние «поэтов пушкинской плеяды» (в первую очередь Баратынского), воспринятых сквозь призму символизма. Интересен состав сборника. В нем помещено одно стихотворение Анны Ахматовой («Звенела музыка в саду»), 13 — Константина Бальмонта, 10 — Валерия Брюсова, «поэма» (как она здесь обозначена) «Скифы» и пять стихотворений Александра Блока, 4 стихотворения Андрея Белого, 5 — Ивана Бунина, Божнев, по четыре стихотворения Зинаиды Гиппиус и Дмитрия Мережковского и десять стихотворений Сологуба. Об обстоятельствах издания этой книги никаких сведений не имеется, и кому из двух составителей принадлежал отбор вещей, перепечатанных из других изданий, равно как и порядок следования включенных в сборник авторов, — не известно. Само по себе присутствие среди этих знаменитостей единственного дебютанта — Бориса Божнева, имени, совершенно неизвестного, — придавало книжке оттенок эпатажа и заставляет предположить, что главной, если не единственной, целью ее как раз и была попытка ввести в литературу начинающего поэта, окружив его первые опусы почетным антуражем. Более, чем вероятно, что весь включенный в сборник материал выражал литературные вкусы именно Божнева: для журналиста Константина Парчевского (1891-1945) поэзия всегда оставалась сферой периферийных интересов и на эти темы он почти никогда не выступал. Вряд ли его участие в этом издании выходило за пределы установления связей с типографией. В силу этого антология дает своего рода «точку отсчета» для определения художественной эволюции Божнева, указывая на культурный фон, от которого он отталкивался как поэт в своей позднейшей, более зрелой лирике. В частности, вошедшее в антологию стихотворение Д. Мережковского «Что ты можешь? В безумной борьбе», возможно, является одним из полемических источников *Борьбы за несуществование*.

6 — опубликовано в журнале П. Б. Струве *Русская Мысль* (София), октябрь — декабрь 1921, стр. 115.

7 — опубликовано в парижской литературной газете *Звено*, № 5, 5 марта 1923 (стр. 2). Несмотря на то, что по своему стилю и тематике стихотворение тесно связано с *Борьбой за несуществование*, оно в книгу не вошло.

8 — публикуется впервые. Автограф — в альбоме стихотворений, принадлежавшем известному журналисту и критику Сергею Яблоновскому (Потресову, 1870 - 1954). Альбом хранится ныне в Бахметевском архиве Колумбийского университета (Нью-Йорк). Данное стихотворение вписано автором в альбом (стр. 132) 20 мая 1923 года, вместе с четырьмя другими своими стихотворениями — «В толпе я смерть толкнул неосторожно» и «Я полагал, что нервные припадки» (*Борьба за несуществование*, стр. 73 и 28), а также номера 9 и 10 данного раздела нашего издания.

9 — опубликовано в *Литературно-художественных сборниках Недра*, книга третья (Москва, Новая Москва, 1924), стр. 134 (без посвящения), вместе со стихотворениями «Я не люблю оранжереи» и «В толпе я смерть толкнул неосторожно», вошедшими в *Борьбу за несуществование*. Автограф — в альбоме С. В. Яблоновского, стр. 133.

10 — публикуется впервые. Автограф — в альбоме Яблоновского, стр. 134.

11 — публикуется впервые. Датируется предположительно 1923 годом — периодом существования группы «Через», в которой важную роль играл Зданевич, тогда активно выступавший на русских литературных собраниях и диспутах. Автограф хранится в собрании Элен Зданевич (Париж). Отправляя его адресату, автор писал:

Милый Илья Михайлович,

Перебирая старые свои стихи etc., нашел свой — Ваш портрет-четверостишие. Так как этот портрет: Ваш — мой, посылаю его: Вам.

Он напомнит вам времена, когда мы все были молодые, и особенно были молоды — Вы.

Б. Божнев

14 I 37

Clamart

(сообщено Режисом Гейро)



12 — 15 — опубликованы в пражском журнале *Воля России*, 1928, кн. 2 (февраль), стр. 25-27 под общим заглавием «Из книги *Вечный класс*».

16 — 17 — опубликованы в сборнике: *Стихотворение. Поэзия и поэтическая критика* (издававшемся в Париже Б. Божневым), в первом выпуске, вышедшем в начале 1928 года, стр. 4-5. Кроме двух книжек сборника, издательство «Стихотворение» выпустила в конце 20-х - начале 30-х гг. также несколько авторских книжек. В сборниках, кроме Божнева, участвовали Б. Поплавский, А. Гингер и А. Присманова, Вадим Андреев, А. Булкин, Владимир Познер, Валентин Парнах и др. По поводу этих двух стихотворений, критик журнала *Воля России*, сочувственно относившегося к Божневу и поэтам его круга, писал: «В первом номере *Стихотворения* — редактор его, Борис Божнев, печатает две интересные пьесы. Первая из них, «Лира», удивительно задуманная, сжатая и скупая, — всего в две строфы, — теряет от параллелизма двух рифм: «ее костей» и «ее страстей». Удар поэтического вывода сильно ослаблен этой неудачей. Зато другая — «Бессонница» — очень хороша. В ней есть одна ошибка, — во второй строфе фраза «и мрака плотная стена, воздвигнутая меж землей и небом» неудачно разбита на строчки, — но подбор торжественных слов и образов, архаичность построения и блестящий вывод: «бессонница — почти бессмертье», делают эту вещь самой цельной в первом выпуске. Вообще, Божнев производит впечатление наиболее законченного, «мастерского» поэта из всей группы.» (А. Эйснер), «Молодые зарубежные поэты», *Воля России*, 1928, кн. 6 (июнь), стр. 117-118). Высоко отозвался о стихотворении «Лира» в своей рецензии на сборник В. Сирина (Набоков) — см. газ. *Руль* (Берлин), 23 мая 1928.

18 — опубликовано во втором выпуске сборника *Стихотворение. Поэзия и поэтическая критика* (Париж, 1928), стр. 17 (оба выпуска имеют общую пагинацию). А. Эйснер (в том же отзыве) назвал это стихотворение «сухой и тяжелой пьесой»: «кроме замысла и двух - трех строчек в ней нечего похвалить» (стр. 119).

19 — 20 — опубликованы в журнале *Воля России*, 1928, кн. 12 (декабрь), стр. 62-63. *Газыри* — деталь казачьей одежды (патроны в гнездах, нашитых на черкеску). *Сапоги Писарева и пироги* — отсылка к известным пародийным словам Достоевского и высказываниям Базарова (в «Отцах и детях» Тургенева), обыгранным в «нигилистической» критике Писарева, а также к басне Крылова «Щука и Кот».

21 — опубликовано в журнале *Воля России*, 1929, кн. 3 (март), стр. 25-27 как реплика в поэтическом диалоге с Вадимом Андреевым (1903 - 1976), одним из ближайших друзей Божнева на протяжении всей его жизни и соратником его по поэтическим кружкам двадцатых годов. Андреев работал лнотипистом в русской типографии. Его стихотворный ответ на божневское послание был под названием «Труд» напечатан в том же номере журнала (стр. 28-29) и воспроизводится в нашем издании (см. Приложение). Позднейшая, сильно отредактированная версия «Труда» вошла в книгу: Вадим Андреев, *На рубеже. 1925 - 1976. Париж - Нью-Йорк - Женева* (Paris: YMCA-Press, 1977), стр. 41-42. В послании Андреева содержатся аллюзии на Черную Речку в окрестностях Петербурга, где находился дом Леонида Андреева, отца поэта, и где, как известно, произошла дуэль Пушкина с Дантесом.

22 — опубликовано в *Воле России*, 1929, кн. 8-9 (август-сентябрь) стр. 23-34.

23 — опубликовано в *Воле России*, 1930, кн. 7-8 (июль -август), стр. 578-579, в составе цикла «Из книги *Живое мертвое море*». Три другие стихотворения цикла вошли в сборник *Альфы с пеною омеги* (см. примечания).

24 — 27 — опубликованы под общим заглавием «Из книги *Ayuse*» в парижском сборнике *Числа*, 1930, кн. 2-3, стр. 14-15. Два первых стихотворения цикла были перепечатаны в сборнике *На Западе. Антология русской зарубежной поэзии*. Составил Ю. П. Иваск (Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1953), стр. 105. При этом они подверглись незначительным редакторским исправлениям: в первом стихотворении слово «днесь» было заменено на «здесь», а во втором «червь» давался со строчной буквы.

28 — Печатается по автографу, датированному декабрем 1947 года и посланному художнику Габриэлю Спату (1890 - 1967), другу поэта с парижских времен, переселившемуся в Нью-Йорк с началом Второй мировой войны. Можно предположить, что этот автограф связан с одной из «сюит» (как их называл автор) четверостиший о снеге, упомянутых в реестре неопубликованных произведений и служащих продолжением «Саннодержавия». Предпоследний из включенных в автограф катренов был перенесен автором, в качестве зачина, в поэму «Высоко белеющие строки и свист площади» (1949). Помимо приведенных здесь, посланный Спату автограф содержал также три

четверостишия, напечатанные в составе *Саннодержавия* (1939). *Тае-дымок* — по-видимому, означает «таежный дымок», *то-ись* — «то есть».

29 — Публикуется впервые. Печатается по автографу, приложенному к письму к Г. Спату.

30 — надпись на экземпляре издания поэмы *Высоко белеющие строки и свист площади* (1949), посланном Г. Спату. Публикуется впервые.

31 — публикуется впервые. Печатается по автографу, датированному 1950 годом и посланному Э. М. Каминер.

32 — написано на обороте открытки с сусальной картинкой, изображающей рождественскую ночь во Франции конца XVIII-XIX века.

33 — 34 — публикуемые здесь четверостишия написаны были Божневым на обороте открыток, репродуцирующих портрет И. И. Бецкого работы Рослена и портрет А. Ф. Кокоринова работы Д. Г. Левницкого. Посылая их (вместе с еще одной открыткой, изображавшей А. А. Тучкова-4-го) А. С. Гингеру, Божнев писал 17 января 1957 года: «Прилагаю три образа — фигуры прошлой чудесной России — случайно нашел и купил много открыток, отображающих наш Grand Siècle...» (Письма Божнева к Александру Гингеру и Анне Присмановой хранятся в архиве С. Ю. Прегель в библиотеке University of Illinois at Urbana-Champaign).

35 — печатается по автографу, датированному 25 марта 1957 года и посланному Присмановой и Гингеру.

36 — приведено в письме Божнева к Присмановой и Гингеру, датированном 26 января, без года, и, очевидно, относящемся к концу 40-х — началу 50-х годов.

37 — содержится в письме к Присмановой от 29 января, без года. Относится к тому же периоду, что и предыдущее стихотворение.

38 — публикуется по машинописному тексту, отправленному автором Габриэлю Спату в 1964 году. К экземпляру был приложен перечень опубликованных книжек автора и его список «Поэм, поэм в

прозе и прозы в рукописях». В него также вклеено стихотворное послание:

«Мастеру живописи Г. Спату.

Еще имею множество поэм —  
Но как издать их, как их напечатать?  
Когда настану я бессмертно-нем,  
Их будут декламировать внучата...

Покамест же примите мой привет  
Сей зимней правды, сих весенних бредней...  
Примите мой — быть может — не последний,  
Но судьбы завершающий Завет...

Дружески Ваш  
Божнев

Улица Доброго Пастыря  
Июнь 1964»

(Последние годы Божнев жил в Марселе, в семье художника-примитива Жильбера Пастора (Gilbert Pasteur), по адресу, казавшемуся поэту провиденциальным: 1, rue du Bon Pasteur).

Публикуемый текст поэмы «Чтоб дольше сна продлилось пробуждение» сверен с другими машинописными и рукописными вариантами, сохранившимися у Э. М. Каминер и отражающими заключительную стадию работы над произведением, которое автор считал своей итоговой вещью. Поэма была начата в 1951 году и завершена в 1959. В одном из автографов текст имел посвящение Э. М. Каминер: «Элинке — эта моя последняя поэма — с глубокой любящей нежностью. Б.» и предварялся четверостишием:

Но парк еще пустынной — если не забыт,  
Еще брошенной — когда к нему приходят,  
Ведь прошлым ты своим еще не пережит  
И лишь теперь тебя в себе оно находит...

Посылая ей рукопись в Тель-Авив для перепечатки на машинке, Божнев писал 26 января 1959 года: «После бесконечной работы, наконец, закончил окончательно поэму, Тебе, дорогая моя, посвященную, — и в которой — многое — о тебе — в разных местах ее — с упоминанием имени — как во фрагменте о детях — так и в других фрагментах, без упоминания — как в «Парке» — или о Воскресении души и тела».

*Бавкида и Филемон* — супружеская пара, оказавшая гостеприимство Зевсу и Гермесу, явившимся в образе путников. *М. О. Вольф* — известная издательская и книготорговая фирма. *Ганон* (правильнее Ганнон) — карфагенский полководец. *Мак-Магон* (1808 - 1893) — французский политический деятель, полководец, президент республики. *Баргузинский снег* — детство Эллы Каминер прошло в Баргузине (Сибирь). *Марфа и Мария* — сестры Лазаря, воскрешенного Иисусом Христом (Евангелие от Иоанна, гл. 11 и 12).

## СОДЕРЖАНИЕ

Саннодержавие .....	9
Утешенность разрушения .....	37
Элегия эллическая .....	61
Оратория для дождя, мужского голоса и тумана .....	71
Фуга светлых снегов .....	97
Колокольный звон над «Царство Божие среди нас» .....	101
Утро после чтения «Братьев Карамазовых» .....	123
Уход солдат на русско-японскую войну .....	151
Высоко белеющие строки и свист площади .....	183

### Несобранное и неопубликованное

Улыбкой тихой и нетленной .....	203
Ты меня сотворил из глины .....	203
Еще связуют якоря .....	204
Как четки на нить, нижу .....	205
Нет сил в восторге онемелом .....	205
Сегодня мой, доселе смутный взор .....	206
Душа моя, не отлетай от тела .....	206
Мы другу предлагаем папиросы .....	207
Себе я часто руку жму .....	208
А если Муза станет проституткой .....	208
Илья Зданевич (Три пальца — кукиш, и три пальца — крест...) .....	209
Ночь (Молчание ночного мира...) .....	209
Согласье (О, старец, дряхлая глава...) .....	210
Топор (Все обостряющимся слухом) .....	211
Свеча (Поддерживающая храм...) .....	211
Лира (Что лира? Понял я — скелет...) .....	212
Бессонница (Течение ночи гробовой...) .....	212
Стихотворение (Пером гусиным и великим...) .....	213

Песня казака (Казак поет в Трокадеро...) .....	214
Песня сапожника (Сапожник, поющий над старой подметкой...) .....	215
Линотипный орган (Органом линотипным раскален...) ...	216
Скорбь 2 — Утешь 4. <i>Поэма</i> .....	219
Относится сей парус к пароходу .....	231
Я был в тот день исполнен всякой скверны .....	231
Да, Червь, что точит наши силы .....	232
Под гром земли Разлука на балу .....	232
Еще летит, еще летит пешком .....	232
[Из четверостиший о снеге] .....	233
Прекрасный пурпур сей несокрушим .....	237
Дорогому Спату (Истошный вой завистников моих...) ...	237
Сияет Бог со свечкой за душой (Бог верит в елке, в каждой верит ветке...) .....	238
Стихи к рождественской открытке (Были ли люди счастливей?...) .....	239
И. И. Бецкий (Были в бархате, в шелку и в кружевах...) ...	239
Не ведаю, чем правил сей вельможа .....	239
Я Вас благодарю за Ваши книги .....	240
[Г. Спату] (Четвертый час... и пятый час утра...) .....	240
[Анне Присмановой] (Опять нет сна... И грудь стихом объята...) .....	240
Чтоб дольше сна продлилось пробужденье. <i>Поэма</i> .....	241

#### Приложение.

1. Вадим Андреев. «Труд» .....	265
2. Борис Божнев. «Столик Блока» .....	267
3. Boris Vojnev. «Introduction à l'Agume» .....	274

#### Примечания .....

Примечания к первому тому .....	282
Примечания ко второму тому .....	285

## ERRATA

### *Следует читать:*

стр. 81, строка 1 снизу:

Тем их возвышенной согбенность...

стр. 83, стр. 3 снизу:

Все, все прохожий зябко соберет,

стр. 85, стр. 6 сверху:

В нее, как в зеркало, смотреться,

стр. 88, строки 10-11 сверху:

Бренчит дребезжащая брэнность...

И в брэнности дребезжащей молчит

стр. 113, стр. 11 сверху:

И лучики шипов из сердценосных роз

стр. 114, стр. 9 сверху:

И осиянные разверзлись уста,

стр. 129, стр. 10 сверху, стр. 131, стр. 1 сверху и стр. 141, стр. 1 сверху:

Темномалиновый кровоподтек

стр. 132, стр. 6 сверху:

Он бросил вскользь два-три небеглых взгляда

стр. 140, стр. 14 сверху:

Хоть страшно и зароешься в подушку,

стр. 142, стр. 3 снизу:

Ведь молодость проходит раньше бедер,

стр. 143, стр. 7 сверху:

И свет иконного кровоподтека...

стр. 153, стр. 7 сверху:

И держит на ничтожном расстояньи

стр. 155, строки 3 - 4 сверху:

Пречистыми рубахами кончин

Возоблачен призыв второго года...

стр. 187, стр. 6 сверху:

Беззвучных строк тишайшие аккорды

стр. 189, стр. 1 сверху:

Раскатанные росчерки саней



**Bozhnev, Boris Borisovich, 1898-1969.**  
*Sobranie stikhotvorenii v dvukh tomakh, vol. 2.*

ISBN 0-933884-67-2

Рисунок на суперобложке из «Cinq Dessins» Б. Божнева.

ISBN 0-933884-67-2